

18+

Галина Долгая
Боги Срединного мира

Роман

Галина Альбертовна Долгая

Боги Срединного мира. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18167449

ISBN 9785447468576

Аннотация

Кто творит судьбу – боги или люди? Может ли один человек повлиять на равновесие сил в мире? Что скрывается за давностью времен? Наше время, кочевье степей Средней Азии, загадочный Тибет, древняя религия Бон и боги кочевников-тюрков, люди всех времен, их жизнь, чувства, поступки и важность каждой жизни для людей и богов. В 2013 году роман издан на английском языке в «Hertfordshire Press» как победитель конкурса «Open Central Asia Book Forum».

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сны	10
Глава 2. Тревожное эхо степи	28
Глава 3. Археологическая экспедиция	44
Глава 4. Завещание матери	73
Глава 5. Любовь и заклинание	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Боги Срединного мира

Роман

Галина
Альбертовна Долгая

*Поистине, путь духа должен быть
пройден ногами человеческими.
Николай Рерих*

Иллюстратор Айгуль Хакимджанова

© Галина Альбертовна Долгая, 2023

ISBN 978-5-4474-6857-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Весеннее половодье обрушилось на берег с яростью голодного зверя. Жемчужная река, бегущая с далеких Небесных гор, вышла из русла и, подминая ржавыми водами правый берег, уперлась в скалу. Река злилась и ревела, пенными гребнями бросалась на монолит, полируя его и вымывая глину из расщелин. Не утолив жажды разрушения, рыча бешеным зверем, река повернула, растерзала по пути рукотворный курган и умчалась в степь, неся воды к озеру, прозванному людьми Островным.

В тайнике кургана, истекающего грязью, обнажились почерневшие от времени доспехи. Кисть руки древнего воина рассыпалась, и перстень с темным камнем упал в реку, мгновенно опустившись на дно. С груди воина соскользнул амулет. Он закрутился в волнах, вместе с течением поднырнул под валун, с веером брызг выпрыгнул из-под него и улетел на берег.

Мягкое сияние, светлое пятнышко в молодой зелени трав привлекло внимание пролетающего мимо ворона. Он спустился, сел неподалеку, двумя прыжками приблизился к полупрозрачному камню, подхватил его клювом и взмыл в воздух. Круживший неподалеку другой чернокрылый охотник, приметил у сородича нечто необычное и попытался выхватить добычу. Но ворон увернулся, запрокинул голову и...

проглотил камень.

Прошло время и от ворона не осталось ни перышка, а камень вновь оказался в водах реки, когда-то освободившей его, но намного выше по течению. В том месте река не рыхчала, как у кургана – она шалила, весело перебирая гальку в мелководье.

Так и ласкала бы Жемчужная река свое сокровище, если бы не пришел человек и ковшом экскаватора не зачерпнул вместе с остальными камнями и амулет древнего воина...

– Кис-кис-кис!

Чуткие белые ушки, окаймленные полоской черного бархата, тревожно шевельнулись. Над бетонным бордюром, ограждающим низкое окно подвала, появились озорные зеленые глазки, затем влажный носик.

– Кис-кис! – позвала девочка, потянувшись ручонкой к черному лобику с белым пятном.

Котенок вжал голову и, тихо мяукнув, исчез. Девочка поднялась с корточек, заложила руки за спину и надула губки; одернула подол ситцевого платья, похожего на перевернутую головку мака, повозила носком туфельки по сухой земле.

– Мяу! – снова раздался тихий голосок.

– Кис-кис! – обрадовалась девочка и, встав на коленки перед бордюром, заглянула в провал окна.

Два зеленых глаза сияли как изумруды, маня за собой. Девочка перелезла через бордюр, неуверенно потопталась

на узкой площадке за ним, но решила и полезла в окно. Внизу под ним в тусклом свете, проникающем со двора, виднелся ящик. Развернувшись и встав на коленки, девочка осторожно сползла. Ощувив под ногами твердую поверхность, она облегченно вздохнула и пригляделась. Котенка и след простыл. Особый запах сырости, которым всегда тянуло из подвала, окутал ребенка плотным кольцом. Кожа рук покрылась мурашками. Девочка поежилась, с испугом огляделась вокруг.

– Ма-ма... – всхлипнула она.

Голос отразился от стен подвала эхом:

– Ма-ма...

Валя, с шумом распахнув дверь, выскочила на балкон, склонилась вниз, опершись на перила. Где-то плакала дочь, но во дворе ее не было. Только тетя Роза – соседка из другого подъезда, стояла на карачках под балконом, что-то высматривая в подвале.

– Си-и-ма! – крикнула Валя, беспокойно оглядывая огромный двор.

– Здесь она, здесь! – тетя Роза подняла голову на голос и снова склонилась к подвальному окну. – Не плачь, Симочка, сейчас мама придет, иди сюда... да как же ты туда влезла, господи...

Сима, продолжая рыдать в голос, стояла на ящике под проемом окна, придерживаясь ладошками за подоконник.

Вылезти оказалось не так просто, как влезть. Но вот сзади послышался голос матери, металлический лязг решетки, которая закрывала вход в подвал из подъезда.

– Сима! Сима, где ты?

Девочка сползла с ящика и, все еще хныкая, пошла на голос матери. Светлая дорожка от окна заканчивалась у открытой двери сарая – одного из небольших помещений, расположенных по периметру подвала, – а весь пол был усыпан галькой. Оступившись, малышка упала плашмя. Снова ее рыдания зазвучали в подвале, как надрывный тенор в зале оперного театра.

– Сима!

Валя, протиснувшись в узкий проем двери, подхватила дочь и, спотыкаясь на камнях, костеря соседа, натащившего их в подвал неизвестно за какой надобностью, пошла к выходу. Девочка затихла, обхватив мать за шею, и, расширенными от страха глазами рассматривала из-за ее плеча большое помещение, посередине которого, едва освещенные серым светом от дальнего окна, темнели гигантские чугунные шары котлов парового отопления. Они давно не работали, но занимали почти весь подвал. Испугавшись невиданных доселе чудовищ, Сима всхлипнула и сильнее прижалась к матери.

– Не бойся, дочка, не бойся, сейчас выберемся.

В глубине подвала раздался тяжелый вздох, меж котлами прошелестел ветер. Валя оглянулась. Станным тягучим воздухом дохнуло в лицо, отчего женщина инстинктивно

прищурилась. Сима прерывисто вздохнула. Порыв воздуха потербил ее банты и словно завис. Валя добралась до решетчатой двери подвала, и, выбравшись на лестницу, ведущую наверх, побежала.

В темноте, там, где едва угадывались очертания котлов, легко покачивалось белое облачко, вытягиваясь вслед за девочкой, как струйка печного дыма. А девочке слышался чей-то далекий, глухой голос:

– Си-а, Си-а...

Глава 1. Сны

Сима выбежала из подъезда и припустилась к остановке, на ходу отмечая, как троллейбус поглотил толпу пассажиров и закрыл двери. «Все! Опоздаю!» Сердце ухнуло в груди, но тут троллейбус дернулся, штанга, спрыгнув с провода и описав веселый круг, закачалась вверх-вниз, вверх-вниз. Первая дверь с шипением открылась. Из нее не спеша вышел водитель, снял толстую веревку, одним концом крепившуюся к штанге, и подтянул ее, при этом стараясь попасть кулачком на провод.

Сима кое-как примостилась на подножке и протиснулась внутрь. Троллейбус заурчал и вскоре тронулся. Толпа качнулась в такт. Тщетно пытаясь ухватиться за поручень, Сима оставила это и замерла, зажатая со всех сторон телами пассажиров. Тонкое запястье с часиками оказалось прямо перед носом, и стрелки показывали без двадцати минут девять. Секундная стрелка неумолимо описывала круги, а надпись «семнадцать камней», словно дразнясь, изогнулась в улыбке. Сима с досады сжала губы.

«И как я проспала?.. – переживала она. – Первая лекция ведущего археолога страны!.. А все этот сон! – яркая картинка всплыла в памяти: кони, несущиеся галопом, серебристые волны ковыля и крики „Гоп, Гоп!“.. – Я скакала на коне... К чему бы это?.. Вытурят меня из университета – вот

к чему!»

Но троллейбус уже подъехал к нужной остановке и, Сима, на ходу поправляя блузку, стремглав припустилась к высотному зданию исторического факультета.

В просторном лекционном зале первокурсники с неподдельным вниманием слушали подтянутого, седовласого мужчину, который рассказывал о загадочной профессии археолога.

– ... вы будете раскапывать старинные города, будете кропотливо, сантиметр за сантиметром, снимать пыль времен, возвращая человечеству память о давно ушедшем. Надеюсь, что молодое поколение с такими пылкими взглядами, – лектор сделал паузу, а Симе показалось, что в этот момент он улыбается, – ни в чем не уступит своим старшим товарищам.

Закончив речь, профессор слегка склонил голову. Сима воспользовалась паузой и, извинившись, прошла к рядам скамеек, поднимающихся вверх, как в древнегреческом театре. Белая рука поднялась над головами студентов, и Сима увидела подругу: та махала, привлекая ее внимание.

– Ты почему опоздала? – скользнув по скамье, прошептала Маринка.

Яркая, пышнотелая, она была очень красива. Румянец на щеках, такие же алые пухлые губки и сияющие агаты черных глаз, из которых будто лился бархатный свет, просто приковывали внимание.

– Да троллейбус, – Сима отмахнулась, потрянув «конским

хвостом» – собранными в пучок на затылке длинными волосами. – А о чем рассказывали? – устраиваясь на краешке скамьи, она кивнула в сторону археолога.

– Это, между прочим, Александр Матвеевич Колесниченко, профессор, – брови Маринки поднялись вверх, придавая выражению лица особое почтение. – Рассказывал о раскопках какого-то древнего царства.

– «Какое-то древнее царство!» – передразнила Сима. – Ты что, не знаешь, чем он занимается?

Маринка виновато улыбнулась.

– Ну, ты даешь! Древнюю Маргиану не знаешь?!

– Да ладно тебе, знаю я, знаю. Только что рассказал.

Симе ничего не оставалось, как покачать головой в недоумении.

– Ты бы гуляла меньше, читала бы хоть иногда.

– Симочка, ты же знаешь, с тобой я не только про Маргиану, я про все могу выучить!

– Ага, – в Симиных глазах промелькнул вызов, – тогда сразу после лекций пойдем ко мне, и вместе будем читать о раскопках в Гонур-депе. Мне отец книгу привез, его, – Сима кивнула в сторону профессора. – Маринка, это же так интересно! Века до нашей эры, и люди тогда жили, работали, любили!

– И любили тоже? Даже про это написано? – Маринка прыснула со смеху, но снисходительно согласилась: – Ладно, ладно, пойдем, читаем.

Уходя, Сима встретила взглядом с профессором. «Какой красивый человек!» – подумала она. Копна пышных волос обрамляла загорелое лицо немолодого мужчины. На его губах, словно очерченных тонкой линией, блуждала легкая улыбка.

– До свидания! – Сима попрощалась, намереваясь с особой тщательностью проштудировать его последнюю монографию о раскопках.

– До свидания, и постарайтесь больше не опаздывать! – веселые смешинки играли в добрых внимательных глазах, что не вязалось со строгими нотками в голосе.

Сима покраснела, а Маринка, дернув ее за руку, потащила в коридор.

Дома пахло пирогами. Валя напекла целый таз булочек, ватрушек, и теперь девчонки, уминая всю эту вкуснотищу с чаем, по очереди читали о царском захоронении, о найденных печах для обжига керамики, о культовых помещениях, в которых нашли сосуды для хранения священного напитка жрецов сомы-хаомы.

– Сим, – Маринка отложила книгу, – скажи, тебе правда все это так интересно?

Сима проглотила кусок булки, плеснула себе свежего чая.

– Интересно.

– Нет, я не понимаю, – не сдавалась Маринка, – посмотри вокруг, все влюбляются, встречаются, а ты только с историей

разве что не обнимаешься!

– Мне нет ни до кого дела! – обрубил Сима. Но что-то в словах подруги ее задело, и она укорила: – Зато ты обнимаешься со всеми подряд.

Но Маринка не обиделась, напротив, она склонилась над столом, стараясь заглянуть поглубже в глаза подруги.

– И обнимаюсь, и целуюсь! Ты хоть раз целовалась? Это же просто приятно! – Маринка медленно облизнула губы, томно прикрывая глаза.

– Вот что, дорогая моя, вижу, о Маргиане тебе говорить уже надоело.

– Сим, ну ее, эту Маргиану! – маска скуки сменила томность на лице девушки. – Ты бы глаза раскрыла, вокруг себя посмотрела. Сашка с тебя глаз не сводит, но подойти боится, словно у тебя за спиной охрана стоит с обнаженными саблями.

– Охрана?.. – Сима озадачилась.

– Ну, это я так, для образности, что ж ты такая прямолинейная, как столб! – Маринка встала, мельком взглянула на свои часики. – Я пойду. Ладно? А ты подумай. Сегодня ребята с четвертого курса заходили, симпатичные. Вот ты на них даже внимания не обратила!

– Зато ты обратила!

– А что? Я всех разглядела, и познакомилась. Жить надо веселее, подружка! И... у меня свидание через час, успею забежать домой, стряхнуть с себя пыль истории! Я побежала,

ладно?

– Ну, ну...

Маринка выпорхнула в коридор, сунула ноги в шлепки и, чмокнув подругу в щечку, ушла, гремя каблуками на весь подъезд.

Сима вернулась к себе. К вечеру стало прохладнее, солнце, заливающее комнату с утра, после обеда уползло за дом, и мягкий свет лился из окна, не ослепляя и не припекая, как днем. Сима улеглась на кровать, та скрипнула и затихла. Расслабившись, девушка потянулась, запрокинула руки за голову. Слова Маринки о Сашке, о поцелуях будоражили воображение, но мысли сами собой вернулись к ночному сну, и перед глазами снова колыхалась степь и мчались кони, но теперь Сима отчетливо слышала девичий смех.

Порой странные видения – яркие и осязаемые – закрывали от Симы реальный мир. Она погружалась в картинки, пронесившиеся в ее сознании, становясь частью странных, непонятных эпизодов чужой жизни – жизни, которая преследовала ее с самого детства. Сима видела степь, далекие горы, табуны коней, она видела детей, подрастающих вместе с ней. Только она оставалась здесь, в своей комнате, в своем городе, а они там – в степи, в своих хижинах, окруженных необъятным простором. И Симу манила та жизнь. Ей хотелось остаться там и дышать пахнущим полынью воздухом, скакать на лошади без седла, стрелять из лука...

– Кош, кош! – камча¹ в детской руке взлетела ввысь и со свистом опустилась на круп коня, обжигая его кожу.

Тоненькая девочка с летящими по ветру косами оглянулась назад, крепко сжав одной рукой богатую гриву скакуна, и с криком «Кош, кош!» снова застучала голыми пятками по его бокам, принуждая ускориться все сильнее и сильнее.

Всадник, следовавший за ними, не отставал, но и догнать отчаянную девчонку не мог. Такая легкость не давалась ему. То ли седло сковывало коня, то ли он сам берег его, но расстояние между скакунами не уменьшалось.

Добравшись до кургана², девочка склонилась к шее коня и, обхватив ее руками, зашептала: «Стой, стой, Черногривый, мы победили». Конь перешел с галопа на рысь и, сделав еще несколько шагов, остановился, фыркая и косясь на хозяйку огромным глазом.

Она, легко спрыгнув, погладила его.

– Не обижайся, больше не буду!

Конь фыркнул еще раз и отбежал. Девочка рассмеялась, засунула камчу за пояс и полезла на курган. На самой макушке ветер ударил в грудь, в лицо, но девочка только сощурилась и, задрав подбородок, выпрямилась, вытянулась, как стрела, словно соревнуясь с хозяином степи и демонстрируя ему свою силу.

– Тансылу, – бархатный голос раздался рядом.

¹ Камча – плетень, нагайка

² Курган – могильный холм, насыпь, возвышение

Тансылу порывисто оглянулась.

– А, прискакал, Рожденный Звездной Ночью! – она по слогам проговорила имя парня – Аязгул, и звонко рассмеялась. – Неужели ты думал, что Ночь может остановить Зарю? – Озорные искорки в глазах девочки превратились в бушующее пламя. От улыбки не осталось и следа. – Теперь ты мой слуга, и будешь исполнять все мои приказания!

Плотно сжатые губы, глаза-щелки, косы змеями за прямой спиной – все показывало в этом хрупком создании хозяйку, повелительницу.

– Слушаюсь, Тансылу! – парень почтительно склонил голову перед той, чье имя означало «прекрасная, как утренняя заря».

Ветер пролетел между ними, словно прочертил невидимую линию.

– Идем вниз, за курганом тихо, я хочу послушать степь!

Тансылу, сдержав девичью прыть, чинно спустилась. Аязгул, проводив ее взглядом, пошел следом.

Еще совсем девочка, едва переступившая порог детства, она вызывала в сердце юноши трепетную нежность. Внешне она совсем не походила на женщину, прелести которой могли возбудить желание мужчины: мальчишеская фигура, едва проступающие под рубахой округлости девичьей груди, тонкие щиколотки крепких ног, выглядывающие из под широких штанин.

– Тансылу, почему ты не носишь сапожки? Твои ступни

огрубеют...

– Фи, как они могут огрубеть, когда я ими ступаю по траве или глажу шелковые бока моего Черногривого?

– Но сейчас ты идешь по земле, и вот, смотри, какие колючки, вдруг проткнул твою ногу!

Аязгул подхватил девушку на руки, поднял высоко, так, что пояс, стягивающий ее рубаху, оказался перед его носом. Тансылу рассмеялась, забыв о серьезности госпожи, роль которой ей очень понравилась. Аязгул глаз не мог отвести от ровных белых зубов, окаймленных алыми полосками пухлых губок.

– Не смотри на меня так, слуга! Я никогда не буду твоей! – Тансылу снова вошла в роль, но на лицо ее друга словно упала тень.

Он поставил девушку на траву, поправил косы. Тансылу смотрела на него снизу вверх. Но в ее глазах не было ни любви, ни сожаления о сказанном. Она не понимала чувств Аязгула.

– Разве ты не знаешь, что меня отдают в жены Ульмасу, сыну Бурангула – предводителя большого племени, род которого, как и наш, идет от Гургана – первого волка на земле?!

Аязгул потупил взор. Не глядя на Тансылу, он тихо сказал:

– Чему ты радуешься, глупая?

Тансылу распалилась.

– Я стану предводительницей всего племени! У меня бу-

дет столько коней, сколько ты и не видывал, степь загудит под их ногами, когда мы будем перегонять табуны...

– Тансылу, предводителем останется Бурангул, потом им станет его сын, но не ты. Разве ты не понимаешь, для чего твой отец пошел на эту сделку? Он думает о союзе, о поддержке Бурангула, его воинов, если понадобится помощь в защите. В степи развелось много разбойников...

– Ты все врешь! Наши воины искусны в бою, им нет равных! А я... ты знаешь о пророчестве? Ты знаешь, что я родилась, чтобы править, что шаман спрашивал духов о моем предназначении еще до моего рождения? Ты знаешь, что сказали духи?

Аязгул смотрел в стреляющие молниями глаза Тансылу и не знал, как охладить ее пыл. Потому он молчал и ждал, когда она сама успокоится. А девушка говорила, звонко выкрикивая слова, отчего даже кони, пасущиеся неподалеку, повернули головы, наострив чуткие уши.

– «Твой сын станет властителем степи, а может быть и всего мира, он создаст новое племя, он поведет его за собой...»

– Сын, Тансылу, не дочь, – перебил Аязгул.

Тансылу осеклась. Она знала, что отец ждал рождения сына. И когда ему вынесли ее, то он ничего не сказал, а развернулся и ушел в степь, погруженный в свои думы. Это произошло на рассвете нового дня, когда трава только поднялась из земли, и кочевье жило еще на зимних стоянках. С тех пор пятнадцать раз повторилось время пробуждения земли,

а Тансылу стала одной из лучших наездниц своего племени. Отец полюбил ее, когда она впервые дошла до него и со смехом, прозвучавшим песней жаворонка, протянула к нему ручонки.

Старый Таргитай научил дочь всему, чему учат мальчиков – скакать на коне, как ветер, стрелять из лука, рубить мечом. Но Тансылу, несмотря на смелость воина, оставалась женщиной. Как Таргитаю не было жаль расставаться с дочерью, которая грела его сердце, как когда-то сын, первенец, погибший от стрелы гарганов – людей, ведущих свой род от ворона, но время пришло. И он нашел ей достойного мужа. Смелого воина, богатого наследника племени, с которым Таргитай не раз пересекался в поисках новых пастбищ для своих табунов.

Тансылу развернулась и пошла к коню. Аязгул последовал за ней. Они уселись сели на траву рядом с конями. Когда молчали люди, говорила степь. Где-то высоко-высоко пел жаворонок – маленькая невзрачная птица с задиристым хохолком на головке. Ветер шептался с травой, оставляя ее на время и с яростью накидываясь на вздумавшие передохнуть кусты перекасти-поля. Жуки, черепахи, ящерики – все ползли по своим делам, выполняя незаменимую роль в гармонии природы, создавшей такое многообразие живых существ.

– Мне мама рассказывала, что в той стране, откуда она родом, верят, что в каждом существе есть дух. Его называют

«ла». Смотри, – Тансылу подняла камушек, – и в нем тоже есть дух, как в тебе! – она кинула камень подальше и растянулась на земле, закинув руки за голову.

Аязгул не принял вызова девушки и улегся рядом, облокотившись на руку и с тоской вглядываясь в лицо Тансылу. Тонкая кожа ее век подрагивала, прикрывая глаза, а на щеках все еще горел румянец от быстрой езды.

– Аязгул, расскажи сказку, ту, про Тенгри и Умай.

– Я столько раз рассказывал ее тебе...

– Еще расскажи, как Тенгри увидел Умай, как она поразила его в самое сердце.

Аязгул тоже вытянулся во весь рост, положил руки под голову. Старше Тансылу на пять весен, он был стройным и быстрым, как архар. Но в отличие от девушки, его волосы были цвета спелого колоса, а глаза отражали небо. Семья Аязгула еще до его рождения примкнула к племени Таргитая. У них было всего десяток овец, три лошади и шатер. Они пришли оттуда, с той стороны, куда уходит солнце, в поисках новых пастбища для своего небольшого стада и спокойной жизни для себя. Люди Таргитая быстро оценили умение отца Аязгула стрелять без промаха, разбираться в следах диких зверей, чем он заслужил уважение к себе и достойное право называться членом племени. Сын пошел по стопам отца. Лучше него не было охотника не только в их племени, но и в соседних.

Рассматривая плывущие облака в синем небе и, подражая

акыну, Аязгул певуче начал рассказ.

– Давным-давно, когда на Земле первые люди заселили степь, Великий Тенгри превратился в ворона и спустился с небес, чтобы посмотреть, как живут люди. Он летал с места на место, наблюдая, как они пасут овец, как готовят еду, как шьют одежду. У одной юрты Тенгри увидел прекрасную золотоволосую девушку. Ее красота поразила его и, забыв об осторожности, он подлетел так близко, что та девушка, а звали ее Умай, заметила его. Красивое оперение ворона понравилось ей и так захотелось Умай сделать ожерелье из его черных, отливающих синевой, перьев, что она достала маленький лук, натянула тетиву и пустила стрелу. Стрела пронзила Тенгри в самое сердце. Он понял, что теперь все небеса будут для него пустыми, если там с ним не будет этой девушки. Он принял образ человека, и Умай, лишь раз взглянув на прекрасного юношу, отдала ему свое сердце. Тенгри сделал ее бессмертной, но, став женой Великого Повелителя Небес, Умай не забыла о земле, и стала помогать женщинам и детям.

Аязгул замолчал. Молчала и Тансылу. Безграничное синее небо шатром укрыло их. Солнце склонилось к горизонту, теплые краски разбавили синеву яркими полосами, которые росли на глазах, и вскоре все небо запылало желтыми и красными языками, а багровое солнце шаром село на краю степи, тоже окрасившейся в цвета вечерней зари.

– Ты проводишь меня к мужу? – тихо спросила Тансылу.

– Нет. Я уйду.

– Куда?

– Туда, где заканчивается степь и за быстрой водой поднимаются камни, по которым можно подняться в жилище Тенгри...

Горькая тень опустилась на лицо Тансылу.

– Будешь охотиться...

– Да, и вернусь, когда стрела твоего мужа уже поразит тебя.

Тансылу рассмеялась, повернулась на бок, без тени стеснения рассматривая красивое лицо Аязгула.

– Ты перепутал! Это моя стрела поразит его сердце, как стрела Умай сердце Тенгри.

Аязгул легко прикоснулся к волосам Тансылу. Провел по ним ладонью, отдернул руку.

– Глупенькая ты. Что тебе сказала мать о муже?

– Чтобы я его слушалась во всем.

Аязгул сжал губы, отвернулся.

– Правильно сказала. Слушайся.

Черногривый неожиданно заржал, словно почуяв недалеко кобылу. Конь Аязгула поддержал его. Юноша поднялся.

– Пора. Идем, не хочу бросать тень на тебя. Идем в стойбище. Пора.

Стук в дверь и тревожный голос матери, словно принесенные ветром издалека, рассеяли сон. Сима проворно вскочи-

ла с кровати и, подбежав к двери, потянула ее на себя. Дверь легко открылась.

– Мам, ты что? – Сима смотрела на мать сквозь пелену сна. Густеющий сумрак весенней степи еще плыл перед глазами, а в ушах сквозь свист ветра слышался голос Аязгула. «Тансылу...»

– Ты зачем дверь закрыла? – в глазах матери трепетал страх. – Стучу, стучу, а ты даже не отвечаешь.

– Я не закрывала дверь...

Валя прошла в комнату, беспокойно оглядывая ее. Все как всегда. Письменный стол у окна, стопка книг на нем, одна раскрыта. Видно, дочь читала ее... Кровать примята.

– Спала?

– Сморило что-то. И сон такой красивый приснился... – Сима улыбнулась.

– Опять степь, девочка?

– Да, мам, красивая девочка и парень с ней, и кони. Степь такая, как тогда, когда мы с папой ездили в Казахстан. Ковыль, сайгаки... Так красиво было. Сайгаки курлычат, как журавли. Хотелось бы еще увидеть и услышать. У них нос такой мягкий, длинный...

– Увидишь еще.

Валя снова оглядела комнату. Большая печка-контрамарка³ в углу темнела черным боком. На стене колыхались те-

³ Печка-контромарка – печь в форме широкой трубы от пола до потолка, сложенная из кирпичей и облицованная железом. Топилась либо углем, либо газом.

ни от веток айланта, верхушка которого качалась перед окном. Все это тревожило. Валя никак не могла забыть облако молочного цвета, скользнувшее за ними из подвала в тот памятный день, когда Симочка еще совсем маленькой девочкой оказалась в нем. С тех пор каждый следующий день вечером, именно в такой час, оно появлялось, то из-под шифоньера, то из-за печки. Сима пугалась, плакала, бормотала что-то словно в забытьи. Тогда Валя пошла в церковь, набрала святой воды, купила свечей и, читая молитвы, которые могла вспомнить, освятила всю квартиру.

Не сразу, но день ото дня появляясь все реже, «подвальный» призрак исчез. Валя решила, что помогли молитвы. Может быть, кто знает?! Но с тех пор дочери стали сниться красивые сны о девочке, живущей в степи.

– Скоро отец придет, идем стол накрывать, ужинать будем.

Валя ушла на кухню, откуда вкусно пахло жареным мясом, только что нарезанными огурцами, чесноком и укропом.

Сима сняла джинсы, не спеша стянула майку; накинув халатик, подошла к зеркалу. В отражении за своей спиной ей показался белый призрак. Он колыхался у письменного стола, словно посматривая в раскрытую книгу. Силуэт призрака дрожал от ветерка, легкими порывами влетающего в распахнутое настежь окно.

Сима обернулась. Но... ничего не увидела. Комнату на-

полняли вечерние сумерки, в такое время даже воздух становится особенным – волнующим, пробуждающим фантазии.

– Опять привиделось...

Застегнув халатик, Сима подошла к письменному столу. Закрыла монографию Колесниченко и только хотела положить книгу в стопку, как ее внимание привлекла брошюра, лежащая сверху. Название гласило: «Археологические памятники Казахстана». Сима взяла брошюру, повертела в руках, открыла на первой же попавшейся странице и увидела черно-белую фотографию кургана, часть которого была раскопана. Рядом с этой фотографией было еще несколько. Сима включила настольную лампу, присела на стул. На фото оказались находки, обнаруженные археологами в древнем захоронении и среди них золотые доспехи воина.

– Интересно... что это за курган? – Сима наклонилась над брошюрой, читая надписи мелким шрифтом под фотографиями: – Древнее захоронение кочевников, первое тысячелетие до нашей эры. «Золотой человек». Реконструкция одежды погребенного вождя. – Сима еще раз внимательно рассмотрела фотографии. Иллюстрация была плохого качества, детали не разглядеть, но эта находка заинтересовала девушку. – Надо почитать...

В коридоре хлопнула дверь, раздалось знакомое покашливание: отец пришел с работы. Мать позвала дочь.

– Иду, мама!

Сима закрыла брошюру; выключив лампу, окинула взгля-

дом комнату, утонувшую во мраке, и, не заметив больше никаких призраков, вышла.

Глава 2. Тревожное эхо степи

Ночь в степи черная, густая. Пламя костров выхватывает лишь несколько юрт⁴, большой дастархан⁵ между ними, силуэты коней, пасущихся вольно. По всему кочевью тянется аромат жареного мяса. Кумыс⁶ течет рекой. Захмелевший акын⁷ поет шуточные песни, его голос переливается со звуком бубна и время от времени заглушается похожим на ржание смехом мужчин и звонким – женщин.

Женщины племени Бурангула уже давно увели невесту в юрту жениха, расплели косы, сняв громоздкий головной убор, украшенный, кроме нитей жемчуга и коралла, звонкими колокольчиками, позвякивающими при каждом шаге. Из одежды на Тансылу осталась только рубаха из тонкой ткани, которую делают в далекой стране за горами. С песнями усадив Тансылу на кошму в центре юрты, разложив рядом мягкие подушки, пошитые из тонкой, гладкой кожи и набитые нежной шерстью овец, женщины покинули юрту. И сидит теперь Тансылу одна в этой празднично украшенной юрте, никому не нужная, всеми забытая, и ждет мужа. Через от-

⁴ Юрта – переносное жилище полукруглой формы, состоящее из каркаса и войлочного покрытия

⁵ Дастархан – скатерть, стол с угощениями

⁶ Кумыс – хмельной напиток из сквашенного молока кобылиц

⁷ Акын – певец, сказитель

крытое отверстие наверху внутрь вползает ночь. Даже звезд, которыми богато небо степи, сегодня не видно. Нет, вот показалась одна – маленькая, но такая яркая... Тансылу нахмурилась. Если бы не свадьба, она сидела бы сейчас под звездным небом рядом с Аязгулом и слушала его рассказы. От этих мыслей что-то шелохнулось в маленьком сердечке, какое-то жалостливое чувство, от которого слезы навернулись на глаза.

Муж... Здоровый, с лоснящимися щеками батыр, который встретил ее у стойбища, который бегающими узкими глазками все норовил заглянуть ей в лицо, который сидел рядом с ней во главе дастархана, он совсем не похож на Аязгула – стройного, светлоглазого... Но что теперь? Она ждет мужа, как послушная жена, помня наказ матери, а он сидит там со своими дружками и ржет, как конь, над шутками акына! Тансылу встала, тряхнула длинными черными волосами, рассыпавшимися по спине. Тяжелое нагрудное украшение в виде прямоугольных пластин, звякнув, отразило неяркий свет, проникающий в юрту через полуприкрытый полог входа.

«Почему я должна сидеть здесь одна, тогда как все веселятся?» – подумала Тансылу.

Быстрыми руками она заплела косу, откинула ее назад, поискала взглядом халат: он, аккуратно расправленный, лежал на горке подушек. Надев его, Тансылу откинула полог и высунулась наружу. Но тут же отпрянула назад: мимо про-

шел незнакомый мужчина. И за дастарханом веселились такие же незнакомые люди...

Тансылу почувствовала себя совершенно чужой здесь: в чужом племени, в чужой юрте среди чужих людей. Не так она представляла себе замужество. Она видела себя госпожой, а оказалась пленницей. Ей стало страшно. В голове, как стук копыт, билась мысль: «Почему?». На смену ей пришла другая: «Что теперь делать?». И третья подсказала лишь одно решение: «Скакать!» Запрыгнуть на своего Черногривого и скакать без остановки, до тех пор, пока это ненавистное стойбище не исчезнет навсегда из ее жизни!

Тансылу заметалась по юрте, не зная, как выйти незамеченной. На глаза попался хурджун⁸, в который мать заботливо уложила ее вещи. Девушка открыла его и, раскидав всю новую одежду, достала свою любимую рубаху и штаны, в которых ей было просторно, и в которых она легко взлетала на спину коня, разбежавшись и оттолкнувшись от земли.

Снаружи раздались голоса. К юрте приблизились несколько мужчин, балагурия и смеясь, напутствуя жениха не оплошать с молодой женой. Тансылу, прижав рубаху к груди, опустилась на подушки. Сердечко трепетало птицей. Все тело девушки напряглось, как натянутая тетива.

Голоса удалились, и в юрту ввалился Ульмас.

– Где тут моя женушка? – замурлыкал он. – Заждалась

⁸ Хурджун – прямоугольный мешок из кожи, обычно двойной, чтобы удобнее было везти, перекинув через спину коня.

своего мужа?.. Е... – не увидев жены на приготовленном ложе, Ульмас остановился, вглядываясь в полумрак.

Луна, одним боком выкатившись в небо, заглянула в юрту. Дорожка лунного света добежала до Тансылу, осветив ее голые ноги.

– А, вот ты где! – обрадовался Ульмас. – Решила поиграть со мной!

Тансылу не успела даже привстать, как Ульмас одним прыжком оказался у ее ног, вцепившись в ступни жирными от мяса руками. Вскрикнув, Тансылу попыталась вырваться, но муж с силой подтянул ее к себе, навалился всем телом. Пластины украшения впились в грудь. Тансылу отворачивалась, едва не теряя сознание от дыхания Ульмаса, наполненного парами кислого кумыса и лука. Пытаясь сбросить с себя грузное потное тело, Тансылу вцепилась в халат Ульмаса, но муж крепко прижал ее, шаря по ногам, копошась так, словно хотел зарыться в землю.

Как ни сопротивлялась Тансылу, но ее сил не хватило, чтобы вырваться, и жгучая боль пронзила ее, как стрела, пробившая нежную плоть. А в ухо сопел муж, содрогаясь всем телом в такт своему дыханию. Тансылу вертелась ужом, пытаясь освободиться, но Ульмас ухватил ее за косу и так потянул вниз, под себя, что Тансылу застонала от боли, от ужаса и страха. Но пытка прекратилась так же внезапно, как и началась. Ульмас, урча от удовольствия, застыл на мгновение и обмяк, распластавшись прямо на Тансылу.

Столкнув с себя ненавистного мужа, она, наконец, выбралась из-под него и отползла в дальний конец юрты, туда, где на почетном месте среди красных и желтых лент, плетенных из шерсти, был повешен маленький лук со стрелой – символ богини Умай – хранительницы и помощницы женщин и детей.

Сжавшись в комок, Тансылу дрожала, ее дыхание сбивалось от приглушаемых рыданий. А Ульмас, довольный богатым пиром, обильной едой, хмельным кумысом, спал, бесстыдно раскинувшись посередине юрты. В сердце униженной девушки разгоралась злость. Понемногу Тансылу пришла в себя, утерла нос, кулаками смахнула с глаз остатки слез, прислушалась к звукам, доносящимся снаружи: голоса поутихли, но еще звучала песня акына, еще слышался смех...

Муж захрапел, как конь, и Тансылу приняла решение. Бесшумно передвигаясь по юрте, она достала из своего хурджуна короткий нож и, не колеблясь, вынула его из кожаных ножен. Подползла к Ульмасу, приподняла его подбородок, с брезгливостью ощутив под ладонью щетину бороды, и полоснула по горлу.

Ульмас только дернулся, даже не проснувшись, но Тансылу все же подхватила одну из подушек и, накрыв лицо врага, налегла на подушку всем телом. Время для Тансылу остановилось. Она ничего не слышала и не видела. Она только наслаждалась своей мстостью, зная наверняка, что больше

никогда этот противный, мерзкий Ульмас не причинит ей боль. Но ощущение реальности вернулось далеким воем волка. Тансылу услышала призыв свободного властелина степи, решительно встала; скинув халат и окровавленную рубаху, оделась джигитом⁹ и, приподняв полог юрты, осторожно выползла наружу.

Ветер освежил лицо. Тансылу втянула в себя холодный ночной воздух степи и, замерев, прислушалась. Где-то рядом пасся ее Черногривый – ее верный друг и спаситель, самый близкий и надежный, не считая Аязгула... Аязгул! Если бы ты сейчас был рядом, Аязгул! Сердце Тансылу кричало от боли и обиды. Но Аязгул ушел, не простившись. Ушел в степь, оставив ее одну, и теперь вся надежда на Черногривого.

Из соседней юрты кто-то вышел. Тансылу распласталась на земле. Не шевелясь, поглядывая из под мехового ворса сползшей на глаза шапки, Тансылу разглядела мужчину. Он отошел в сторону, справил нужду и, даже не посмотрев по сторонам, вернулся в юрту. Тансылу перевела дух. Не тратя больше времени, она тенью метнулась в открытую степь, укрылась за холмиком, поросшем полынью и тихонько позвала: «Хох, хох, хох...» Прислушалась. Сзади раздалось знакомое ржанье. Тансылу обернулась. Прямо к ней, выбрасывая вперед спутанные передние ноги, бежал конь. Она ринулась навстречу. Порывисто обняла Черногривого за шею,

⁹ Джигит – юноша, ловкий молодой наездник.

сняла путы, шепнула: «Идем!» и, отбежав подалее, вскочила ему на спину и умчалась в степь.

Новый день в стойбище, как всегда, начался с пения птиц и звонких голосов женщин, хлопчущих по хозяйству. Пастухи выгоняли овец из загона, посвистывая и покрикивая на них, изредка слышался хлесткий звук камчи и ответное ржание недовольного коня. А по степи радующей сердце музыкой разносилось блеяние овец. Стадо Таргитая выросло на целую отару и сегодня пастухи уходили с ней на дальнее пастбище, туда, где трава еще не вытоптана сотнями ног, а ручей, наполняемый талыми водами, что вытекают из-под снежников в высоких горах, шумно бежит по долине.

Таргитай дождался, когда поднимут низ кошмы¹⁰, укрывающей юрту. Вольный ветер влетел внутрь, освежив лицо и прогнав остатки дремоты. Жены уже не было рядом. В ее руках – большое хозяйство, и с самого раннего утра она, отдавая распоряжения, сама хлопотала у очага, раскладывала кошму на камнях для просушки, следила за дойкой кобылиц.

Таргитай хрустко потянулся и сел. Из-под поднятого полога внутрь сочился белый свет. Ослепительно сияющий день окружал юрту, тогда как внутри еще витали ночные тени. Натянув сапоги, Таргитай резво поднялся, подпоясался ремнем, нахлобучил белую войлочную шапку и вышел наружу. Осмотревшись по сторонам, он увидел вдалеке отару

¹⁰ Кошма – сваленная из шерсти ткань, войлочный ковер

овец и четырех всадников, не дающих им разбрестись, куда вздумается.

– Свежее молоко, господин, – прозвучал тихий голос девочки, протянувшей вождю чашу с парным кобыльим молоком.

Таргитай приложился к чаше и, не отрываясь, залпом осушил ее. Еще теплое, молоко тонко пахло степными травами и кобылой, которая всегда была доброй кормилицей кочевников.

Девочка забрала пустую чашу и убежала, звеня украшениями. Таргитай посмотрел ей вслед. Черной тучей опустилась на сердце вождя тоска, закрыв собой светлую радость дня.

Тансылу... Дочка... Как хотелось отцу сейчас услышать ее звонкий голосок, увидеть озорные глазки... Вчера он проводил дочь, насколько позволяло положение и, оставив ее с четырьмя воинами, ускакал прочь, подставляя лицо ветру, который, свистя в ушах, осушал скупые слезы на щеках.

Ночью Таргитай плохо спал. То прислушивался к ночному голосу степи, настораживаясь при волчьем вое, то успокаивал тяжело вздыхающую жену, утешая ее лаской. Но пришел новый день, а с ним и новые хлопоты. «Ничего! – подумал Таргитай. – Моя дочь не робкого десятка, себя в обиду не даст, а со временем и хозяйкой стойбища станет. Придет срок, и мы сможем увидеться. Теперь наши племена породнились, глядишь, и очередной яйлак¹¹ рядом поставим».

¹¹ Яйлак – летнее стойбище кочевников

От этих мыслей на сердце потеплело, и Таргитай пошел к загону с недавно родившимися жеребятами посмотреть, кто из них на что сгодится.

Осмотрев все хозяйство, он вернулся к юрте. Жена Дойла как раз отдыхала в ее тени.

– Жаркий сегодня день, – начал он разговор, присаживаясь рядом.

Дойла подложила ему под руку подушку, что проветривалась на свежем воздухе, подала чашу с кумысом.

– На, выпей, остынешь.

Таргитай принял чашу, поглядывая через прищур узких глаз на жену. С виду спокойная, но он-то знает, как болит ее сердце о дочери! Только кто другой разве смог бы догадаться об этом?! Вон, даже побрякушки свои нацепить не забыла! И все-то у нее не такое, как у других женщин: крупные бусы из коралла в несколько рядов свисают с шеи до груди, в волосах, заплетенных косами и уложенных венчиком на темечке, красуются цветные нити. Не любила Дойла металлических украшений, которые носили женщины кочевья, распущенных кос. Ей, рожденной за высокими снежными горами, даже золотые пластинчатые нагрудники казались тяжелыми и холодными. Рубаха у нее и то была вышита особым орнаментом, каждый штрих которого что-то, да значил. «Сколько лет со мной, а все хранит традиции своих предков», – Таргитай одобрительно крякнул.

Давно они стали мужем и женой, но и сейчас Дойла оста-

валась для него самой желанной. Он вспомнил, как отбил девушку у торговца, который вез ее пленницей в своем обозе. Уж очень тогда поразил Таргитая взгляд чужестранки из далекой страны, прячущейся за белыми гребнями гор. И не сказать, чтобы девушка была красавицей, но она притягивала к себе какой-то особенной силой до сих пор непонятой Таргитаем.

Сама Дойла называла родину «Та пе». Позже, освоив язык племени, она рассказала мужу о своей стране, в которой много камней, песка, прекрасных озер и рек. И окружена эта страна снежными горами, никогда не меняющими своего наряда, в отличие от Черных Гор на востоке степи, куда стада Таргитая добираются почти перед самыми холодами, когда уже пора возвращаться на зимнее стойбище.

Свое имя Дойла произносила по слогам: дойе ла. К удивлению Таргитая имя жены на его языке звучало как «душа небесного воина», что никак не вязалось с ее спокойным и кротким нравом. Но, когда родилась дочь, Таргитай озадачился. Вот уж кому подошло бы имя воина, так это Тансылу! Но девочку назвали Прекрасная Как Утренняя Заря, потому что родилась она в чудесное утро, когда небо окрасилось нежнейшими красками, словно нарядившись в самые лучшие одежды в ожидании солнца.

– Смотри, скачет кто-то, – Дойла встала, чтобы получше разглядеть всадников, – похоже, воины Бурангула...

И Тагритая поднялся. Сердце тревожно екнуло. Не с доб-

ром, ой, не с добром скачут! Доспехи блестят на солнце, и флажок с символом рода за спиной у предводителя!

Мужчины в стойбище тоже увидели всадников; следуя отработанной годами привычке, их руки легли на рукояти мечей. Таргитай сделал знак, и воины поняли его: каждый встал на свое место, приготовив лук и стрелы.

Пятеро всадников остановились на расстоянии двадцати шагов. Четверо сбросили с круп своих коней большие мешки, а пятый подошел ближе и крикнул Таргитаю:

– Бурангул ждет тебя у сухого ручья, за Батыр-камнем. А это, – он кивнул на мешки, – плата за содеянное твоей дочерью.

Не дожидаясь ответа, всадник развернул играющего под ним коня и, взмахнув камчой, умчался вместе со своими спутниками. Их воинственный свист еще звенел в воздухе, когда Дойла запричитала:

– Тансылу, доченька...

Но Таргитай осек ее, приказав:

– Коня!

А у оставленных мешков раздался плач. Разрубив тугие стяжки, люди извлекли тела четырех воинов, которые сопровождали Тансылу к стойбищу мужа и остались там на пир в честь молодых. Воины были без доспехов, в одних рубашках и штанах, на горле каждого зияла черная рана, и вытекшая кровь уже запеклась на одежде, разукрасив ее бурыми пятнами.

Таргитай сжал рукоють поясного кинжала. Лицо вождя побелело. Он стоял, широко расставив ноги, и молчал. Но молчание это походило на затишье перед бурей. Невидимые силы собирались вокруг Таргитая, внутри него уже кипел гнев – чувство, способное превратить человека в демона. Взяв с собой половину воинов, Таргитай помчался к Батыр-камню.

Кто из степных кочевников не знает Батыр-камня?! Высотой в три человеческих роста, он стоит на правом берегу реки, несущей желтые воды и в жаркое время высыхающей до такыра¹². Камень назвали Батыром за поразительное сходство с головой воина. Старинная легенда гласит, что именно на этом месте давным-давно произошла битва обитателей двух миров за господство над человеком, и, когда демоны подземного мира, воспользовавшись хитростью, стали одолевать силы добра, Великий Тенгри послал своего воина, чтобы уравновесить добро и зло, не допустив, таким образом, хаоса. Небесный Батыр принял бой и победил демонов тьмы, но потерял в той битве все силы и так и остался стоять посреди степи, засыпаемый песками, приносимыми с пустынь, окружающих оазис между Черными горами и озером Арысь.

Перед лицом спящего воина на широком плоском камне

¹² Такыр – гладкая, ровная поверхность земли, обычно, глинистая, образуется при высыхании рек, озер

шаманы совершают жертвоприношения духам степи. Сколько крови жертвенных ягнят оросили этот камень! Сколько песен спели шаманы, исполняя ритуальные танцы вокруг головы Каменного Батыра!

Неслучайно Бурангул выбрал это место для встречи. По неписаному закону степного кочевья, семья убийцы невинного человека может смыть позор со своего рода только собственной кровью. Все члены семьи должны быть принесены в жертву духам нижнего мира, чтобы успокоить их, утолив чудовищный аппетит живой кровью.

Таргитай скакал к Батыр-камню, терзаемый мыслями о мщении за бесславную смерть своих лучших воинов и мучимый неизвестностью о судьбе единственной дочери. Он и представить себе не мог, что произошло в становище Бурангула, что могла сотворить хрупкая девушка, чтобы в отместку за это знающий и почитающий законы степи Бурангул умертвил четырех воинов! Но Таргитай чувствовал, что Бурангул позвал его к жертвенному камню не для объяснений. Потому он оставил в стойбище надежную охрану и послал вестников на дальние пастбища, где пасся скот племени. Чувствовал Таргитай и то, что не миновать кровавой битвы у подножия Батыр-камня, и кто останется после встречи двух воинственных вождей в живых нельзя предугадать. Таргитай был готов к смерти, но прежде он хотел знать о том, где его дочь и что с ней.

Когда до Батыр-камня осталось совсем немного, вождь подал знак, и треть его воинов ушла в одну сторону, а вторая треть – в другую. Сбавив бег коней, они растянулись в две линии и укрылись за холмами перед Желтой рекой. Семь воинов, считая самого вождя, подошли к самому берегу. В начале лета река мелела, вода оставалась только в середине русла, дно по краям иссушалось под палящим солнцем и покрывалось тонкой коркой, под которой оставалась глиняная жижа. Ни человек, ни конь не смогли бы удержаться на ней, если бы вздумали подойти к воде.

Не спуская глаз с конного отряда противника, расположившегося на другом берегу реки, Таргитай заметил в отдалении самого Бурангула. Он стоял перед воинами у камня, и только беспокойство его коня, то и дело переступающего с ноги на ногу, выдавало нетерпение, с каким он ожидал свояка.

Еще день назад они обнимались, как родственники, строили планы о будущем своих племен, но теперь, став в одночасье врагами, желали друг другу смерти.

Таргитай вывел коня на шаг вперед.

– Я пришел, Бурангул, – крикнул он, – отвечай, где моя дочь?

– Твоя дочь убила моего сына, – с вызовом крикнул Бурангул, – и где бы она ни была, мои воины отыщут ее и убьют.

Таргитай опешил. Он знал о воинственном нраве своей Тансылу, но и представить себе не мог, чтобы она убила –

и кого?! – мужа! Но Бурангул не знает, где она, а потому есть еще надежда! Что бы там у них не произошло, а Тансылу скрылась, она жива!

– С чего ты взял, что моя дочь убила твоего сына? – усмиряя волнение, спокойно спросил Таргитай.

В ответ Бурангул бросился было к нему, но тут же осадив коня, отчего тот с ржанием поднялся на задние ноги, крикнул:

– Она перерезала ему горло, как барану!!

Бурангул едва не задышался от гнева. Единственное, чего он сейчас жаждал, так это смерти обидчика, того, кто влез к нему в доверие, кто убедил породниться семьями и жить бок о бок ради безопасности и процветания обоих племен. Он, старый и хитрый вождь, всегда умеющий просчитать все ходы наперед, поверил этому предводителю убийц, впустил в свой стан демоницу и лишился любимого сына.

Бурангул махнул рукой. Тут же весь его отряд поднял луки, и зазвенели тетивы: град стрел полетел на оба берега реки. Воины Таргитая верно поняли знак предводителя чужого племени, и лучники на холмах, ответили противнику градом стрел. Сам Бурангул успел скрыться за Батыр-камнем.

Таргитай тоже не стал медлить. Он развернул коня, поддал стремянами ему под брюхо, на ходу натянул тетиву, но не успел пустить стрелу. Острая боль пронзила его шею. Таргитай обмяк и выпустил лук. От падения с коня его удержали два воина, на ходу подхватившие вождя с двух сто-

рон. Скрывшись от разящей смерти за холмами, они опустили Таргитая на землю. Один из воинов склонился над ним, и в тишине, нарушаемой лишь фырканием возбужденных лошадей, услышал шипящие звуки, которые сложились в одно слово: «Тансылу...»

Таргитай последний раз взглянул в небо и застыл: с распахнутыми глазами, в погасшей черноте которых отразились легкие курчавые облака, беспечно плывущие в царство Всемогущего Тенгри.

Глава 3. Археологическая экспедиция

– Витаете в облаках, барышня, а между тем история древнего мира пролетает мимо вас, – профессор остановился возле студентки, мысли которой были явно далеки от темы семинара.

Маринка толкнула подругу в бок.

– Что? – Сима качнулась, будто сильный порыв ветра ударил ей в грудь, и медленно повернулась.

Внимательный, беспокойный взгляд, тишина в аудитории... Сима привстала.

– Да-а, Симона, думаю, вы переутомились, спите на ходу. Что ж, не буду больше никого задерживать, а то еще сессию завалите, – по аудитории пронесся гул одобрения. – Тихо, тихо! У вас последняя пара? Вот и отлично! Можете идти, но не забудьте записаться на летнюю практику, кто еще не записался.

Сима не торопясь сложила конспекты в сумку. Маринка уже ворковала с ребятами у двери. Перед самым выходом она оглянулась и позвала подругу.

– Иду!

– Симона, подождите, – Александр Матвеевич, остановил девушку, – вы не хотели бы отправиться на раскопки курга-

нов, в Казахстан? Я вчера беседовал со своим старым товарищем по работе, и он сказал, что с удовольствием взял бы на летнюю практику кого-нибудь из наших студентов. Я вот подумал о вас, вы, помнится, интересовались историей кочевых племен Центральной Азии.

Сима никак не ожидала такого предложения. Они всей группой решили ехать с профессором на раскопки Древней Маргианы, хоть и пугала работа в пустыне: даже в конце лета температура там поднималась выше пятидесяти градусов. Но Александр Матвеевич обещал, что в основном предстоит работа с находками в фондах музея, и лишь иногда придется выезжать на место раскопок. А вот в казахских степях работать на объектах можно все лето! Степь – это не пустыня! Хоть солнце и печет не меньше, зато ветер свежий, а в предгорьях даже вечера прохладные. И жить в палатках, прямо у раскопок... Сима загорелась.

– Спасибо, Александр Матвеевич, я согласна! – в глазах девушки сверкали азартные искорки, сонливость враз пропала, и едва сдерживаемая улыбка играла на губах.

– Рад, что оживил «спящую красавицу»! – профессор сам улыбнулся. – Ну, ступайте, ваши паспортные данные у меня есть, только транспортные расходы придется вам оплатить самой. Сможете?

Сима кивнула.

– Вот и хорошо! Что ж, готовьтесь.

Новость о поездке Симы в Казахстан ошарашила Марину.

– Как же так? А мы? – она обидчиво надула губки.

– Кто это «мы»? – изобразив непонимание, поинтересовалась Сима.

Марина, казалось, не заметила вызывающего тона подружки.

– Я и Сашка... Мы же втроем хотели... А ты взяла и так просто отпчковалась...

– Ладно тебе! Такой шанс – это удача, счастливая случайность, я не могла отказаться, извини. Да и вам с Сашкой я зачем? – хитринка, прозвучавшая в голосе подружки, не осталась незамеченной.

– Что такое? Ревнуешь? – тем же тоном переспросила Марина.

Сима хмыкнула.

– Еще чего! А ты вроде как с ним шуры-муры завела, а?

Маринка пожала плечами.

– Да какие там шуры-муры, ну, целовались пару раз, так по-дружески. Ты ему нравишься. Я спрашивала.

Сима повеселела.

– Я ему нравлюсь, а целуется он с тобой! Красота!

– Зря я тебе сказала. Ты вся такая правильная! Прямо мадам из средневековья – подарила рыцарю белый платочек и бди себя всю оставшуюся жизнь! Так? Мы в другом мире живем, подружка, нравы меняются. А чтобы парень решил тебе признаться, надо хоть намекнуть ему как-то на свое расположение. Да! Подари ему белый платочек!

Девчонки расхохотались.

– Пойдем в парк? – позвала Сима. – Посидим у реки, люблю смотреть на воду.

Подруга согласилась, и они не спеша вышли из здания университета и побрели к парку, среди старых деревьев которого текла река. Широкая, полноводная, неторопливо несла она зеленые воды с далеких гор, по пути насыщаясь ключами и мелкими речушками.

Девчата сели прямо на траву. Сима, обхватив колени, уставилась на воду, снова погрузившись в себя. Маринка, не замечая ее задумчивости, начала рассказывать о своих последних любовных приключениях.

– Смотри, Маринка, вот вода. Течет себе да течет, – не обращая внимания на рассказ подруги, отрешенно проговорила Сима. – Ты представляешь, целые народы уходят в небытие, а вода все течет и не кончается...

– Мда... может тебе надо было на философский поступать?..

– Философия есть во всем, а в истории ее... Знаешь, есть такие интересные легенды, прочитаешь, и думаешь, думаешь... Вот, к примеру, жители Древнего Тибета считали, что в каждом живом существе, в каждом... предмете обитает дух. Есть он и в камнях, и в деревьях, и в воде...

– Жители Тибета, может, и считали, а индийские йоги до сих пор в этом уверены.

– В общих чертах верования индусов и тибетцев похожи,

согласна. На Тибете даже есть гора, на которой, по древнему преданию, обитал главный бог индусского пантеона Шива.

– Я вот что не пойму, Сима, ты интересуешься Тибетом, Индией, а каким боком ко всему этому относятся кочевники Средней Азии? Чего тебя к ним так тянет?

– Между представлениями об устройстве мира у древних кочевников Азии и у последователей древней религии тибетцев «бон» много общего. Я сама удивилась, случайно сопоставив их. Вот смотри, – Сима достала тетрадь и карандаш. Нарисовала круг, в нем квадрат, в квадрате – еще один круг. – Так кочевники Азии представляли себе мир. Внешний круг – это небожители, боги, главный у них – Тенгри. У него есть жена – Умай. Она богиня земли и воды. У тибетцев тоже есть символ «круг», обозначающий небо, мир, и главное почитаемое божество, которое там обитает – «Всеблагой», по-тибетски не выговорю. У него тоже есть жена. Ее называют Земля-мать. Улавливаешь сходство? – Маринка кивнула. – Наш мир – мир людей, у кочевников изображен квадратом, у тибетцев он тоже есть и тоже изображается квадратом! Только выделен красным цветом, а мир богов – белым. Но это детали. И у тех, и у других есть представление о подземном мире, в котором живут злобные существа – демоны. Демоны стремятся заполучить как можно больше людей, поработить их дух, тем самым ослабить богов. С демонами сражаются шаманы. Они умирляют их с помощью заклинаний. Танцы шаманов – это не просто набор каких-то

ритмичных движений – это самая настоящая схватка, бой с демонами зла. Шаман видит их, в этом ему помогает божественный напиток сома-хаома.

– Александр Матвеевич рассказывал! В Маргиане нашли сосуды, в которых хранился этот напиток, и одна исследовательница, кажется из Германии, провела анализ и смогла восстановить состав!

– Да, – согласилась Сима, – а ты, оказывается, не так безнаджна! Может и состав вспомнишь?

– Ой, ой, если я не увлекаюсь историей так фанатично, как ты, это еще не значит, что она меня совсем не интересуется, – парировала Марина.

– Ладно, не обижайся. Я даже очень рада за тебя. Знаешь, меня удивило, когда Александр Матвеевич рассказал и о храмах сомы-хаомы – целый культ! Но в Маргиане обряды и верование в богов пошло несколько по иному сценарию. Они стали как бы прародителями зороастризма. Есть даже предположение, что основоположник этой религии, возводящей стихии в ранг божеств, родился и жил в Маргиане. Но вот к азиатским кочевникам, кроме священного напитка, их вера не имеет никакого отношения. Кочевые племена Средней Азии скорее пошли по пути тибетцев, следующих заповедям религии «бон». У них огонь использовался как средство против злых демонов, а у зороастров огонь нельзя было осквернять даже приготовлением пищи. Помнишь двухкамерные печки на фото у Александра Матвееви-

ча? Но я отвлеклась. Шаманы кочевников Азии и Тибета следили за равновесием миров. И не только танцы или заклинания использовались для этого. Жертвоприношение считалось наиболее продуктивным средством для успокоения духов. Их вроде как задабривали кровью жертв. Но мне вот что еще очень интересно. Победив злого духа, демона нижнего мира, человек мог обратить его в бога! Представляешь, какая роль отводится человеку?! Потому борьба между демонами и людьми не прекращается никогда. И те, и другие могут влиять на жизнь всего мира. Сам мир не меняется, внешне он остается в одной и той же форме, а вот внутри происходит как бы перетекание зла и добра то в одну сторону, то в другую. Добра становится больше – зло уменьшается и наоборот. И люди... люди, победившие зло получали право на следующее рождение там, где они сами захотят, тогда, когда захотят и в том облике, в котором им тоже захочется. Тюрки, к примеру, называли такого человека «азат» – свободнорожденный, а тибетцы – «реализовавшееся существо».

Сима замолчала. Марина тоже задумалась. Но в отличие от подруги, Марину больше влекла современная жизнь, с ее радостями и той свободой, которую давала молодость.

– Ладно, пойдем, – Сима спрятала тетрадь, – мне еще кое-что обдумать надо.

– Хочешь совет? – Марина мягко улыбнулась. – Влюбись в кого-нибудь, не хочешь в Сашку, влюбись в кого-то другого, тогда и думать будешь меньше.

Сима рассмеялась.

– У тебя одно лекарство от всех проблем! А Сашка... Хороший он парень, но я все же сама не могу ему сказать: «Давай дружить!» или любить, а он меня сторонится.

Маринка вздохнула.

– Все же жаль, что вы разъезжаетесь в разные стороны. Глядишь, как раз в экспедиции у вас все бы и сложилось.

Сима только махнула рукой. Что там Сашка? Ее звала степь – великая обитель племен и народов!

Сдав сессию, девчонки расстались: Маринка поехала работать в экспедицию профессора Колесниченко, а Сима – в Алма-Ату, чтобы оттуда вместе с казахскими археологами отправиться на раскопки в долину у предгорий Каратау, одного из северо-западных отрогов Великих Небесных гор, известных миру, как Тянь-Шань. А Сашка... Сашка поехал с Маринкой.

...Степь. Какая широта... И только небо и земля. И только на таком просторе, где взгляд упирается разве что в горизонт, ощущаешь свое величие, как создания природы. Нет деревьев, нет гор и скал, нет бушующих потоков воды – нет ничего, что может быть величественнее тебя, что может угрожать твоему могуществу, разве что только другой человек...

Уже две недели Сима работала в отряде казахских ар-

хеологов. Две недели она с неослабевающим интересом копалась в земле, дав своему воображению полную свободу. И оно уносило девушку в те давние времена, когда после битвы или после смерти вождя племени, кочевники возводили погребальные курганы.

Археологи, как кочевники, переезжали с места на место, по пути нанося на карту новые объекты и заглядывая в те, которые уже были исследованы.

– Наша задача – как можно полнее собрать материал о кочевье, о котором сегодня нам могут рассказать только курганы, вернее, то, что сохранилось в них. А вот в предгорьях Каратау мы встанем основательно. Пастухи сообщили, что видели новые петроглифы, так что считайте, что наша экспедиция – не столько исследовательская, сколько поисковая, – разъяснил руководитель экспедиции Хакан Ногербекович Елимов, мужчина средних лет, невысокого роста, с загорелым лицом и с сеточкой морщин в уголках глаз, что говорило о его постоянной работе «в поле».

Сима легко влилась в коллектив – небольшой, состоящий всего из шести человек, среди которых она одна оказалась представительницей слабого пола. Сима старалась быть полезной и на раскопах, и в лагере, который археологи сменили вот уже в третий раз.

«Газ-66» скакал по пыльным проселочным дорогам, как строптивый жеребец. Сима набила не одну шишку, не раз приложившись головой к металлическим перекладинам,

за которые крепился брезентовый тент кузова. Но ее больше беспокоили находки, которые они везли в пластмассовых ящиках. При такой тряске что-то может разбиться, хотя Сима очень тщательно упаковала каждый черепок и хрупкие от ржавчины металлические предметы, найденные в последнем кургане, завернув их в ветошь и проложив опилками. Но машина так подпрыгивала на ухабах, что ящики приходилось ловить.

– Дядя Боря! – Сима затарабанила по крыше кабинки водителя, на свой страх и риск высунув руку в небольшое окно.

Мотор недовольно заурчал, смолк, и грузовик остановился. Дядя Боря распахнул дверь, в тишине послышался звук зажигаемой спички, запахло дымком и ядреным табаком. После минутной паузы, затянувшись и вкусив удовольствие, дядя Боря спрыгнул с подножки.

– Ну, молодежь, как там, все живы?

Все – а это Сима, студент-третьекурсник Жора, его друг Славка и старший научный сотрудник института археологии Вадим Петрович, – уже выбравшись из кузова, представляли собой довольно-таки комическое зрелище. Волосы, а также брови и ресницы покрылись слоем пыли, отчего археологи сами стали похожи на древних мумий, пролежавших в земле не одну сотню лет. Симу от них отличал белый платок, завязанный так, что открытым оставался разве что нос. Но, когда Сима сняла платок и встряхнула, облако пыли закрыло ее туманом.

– Апчхи!

– Будь здорова, Симочка!

«Спасибо» Симы слилось с тихим хохотом, который становился все громче и громче. И Жорка, и Славка, и Вадим Петрович – спокойный мужчина неопределенного возраста, трясли головами, постукивали себя по рукам и ногам, стряхивая пыль, и вокруг них эта пыль летала mosquito-like ро-ем. Посмеявшись друг над другом, прочихавшись до коликов в животе, все переключились на шофера.

– Дядя Боря! Ты же не дрова везешь, а живых людей! Мы же чуть не убили все! А раритеты! Это ж вся экспедиция будет коту под хвост, если мы так будем их транспортировать!

– Ладно, ладно, я что ли виноват, что здесь асфальт не проложили? Сами посмотрите, дорога какая, – бросив окурок, дядя Боря махнул на серую колею за машиной. – Вообще-то подальше надо проехать, там река поглубже будет, а тут и к воде не подойти – глина.

Узкая полоска воды поблескивала метрах в пяти от берега в самой середине высохшей до дна реки. Берег, заросший кустиками полыни, возвышался над руслом не больше, чем на полметра, и из обнаженной земли торчали корни, оказавшиеся вместо воды, в воздухе. А вокруг ручья действительно была глина – кое-где растрескавшаяся, но влажная, поблескивающая на солнце. Дорога петляла вдоль реки, а на горизонте степь вздыбилась холмами.

– Что там? – Сима подошла к начальнику экспедиции.

Хакан Ногербекович разложил на сиденье карту и сверялся с местностью.

– Да, дядя Боря прав, нам еще километра два-три проехать надо, до этой возвышенности, – начальник ткнул пальцем в карту, потом глянул вперед, – вон туда, уже видно.

– Можно, я пешком прогуляюсь? Устала в дороге, размяться бы, да и осмотреться хочется.

Хакан Ногербекович засомневался, а дядя Боря поддержал Симу:

– Тут не заплутаешь, недалеко, пусть погуляет девка, пары спустит, а то ругается на меня.

Хитрющая улыбка под усами и такой же хитрющий взгляд из-под густых запыленных бровей смутили Симу.

– Да не ругаюсь я, дядя Боря, ладно вам...

– Шучу я, дочка, прогуляйся, парни пусть за добром приглядывают. По коням! – крикнул он, и парни, с завистью поглядывая на Симу, полезли в пыльный кузов. – Только в реку не лезь, завязнешь, на месте сходни наладим, прямо к воде, – остерег напоследок заботливый дядька.

Сима дождалась, когда грузовик отъедет, и облако пыли, поднятое им, осядет на землю. Еще виднелся покачивающийся от тряски тент над кузовом, еще слышалось урчание мотора, но степь словно избавлялась от чуждых звуков, приглушая их своими. Застрекотали замолкшие было кузнечики, зашелестели кустики трав под напором легкого ветерка,

аромат полыни приятно защекотал ноздри, к нему добавился запах мокрой глины, осторожно прозвучало кваканье лягушки. Прямо с неба полилась песня жаворонка. Сима задрала голову, стараясь рассмотреть птицу, но не увидела, зато услышала гул в степи, нарастающий с каждой минутой. Обернувшись туда, откуда они приехали, Сима увидела облако пыли, и в нем размазанные контуры большого табуна.

– Кони...

Кони мчались прямо на нее. Гул от десятков лошадиных ног становился все громче. Сима испугалась, инстинктивно попятилась, оступилась на берегу и упала в глину. Кажущаяся сухой, ее потрескавшаяся поверхность разломилась, как поджаренная корочка пирога, обнажив жидкую начинку, и Сима, пытаясь встать на ноги, по щиколотку увязла в густой жиже. Ладонь одной руки погрузилась до запястья. Симе удалось приподняться и выдернуть ногу, но кроссовок остался, а «чавк», с которым глиняное болото ответило на ее попытку освободиться, прозвучал издевательски. Стоя на одной ноге, Сима развела руки в стороны, примеряясь к расстоянию до берега. Балансируя и стараясь не потерять равновесие, она попыталась сделать шаг, но не удержалась и шлепнулась назад с криком «Мамочка!». Руками Сима ощутила прохладную свежесть до самых локтей, а за пояс джинсов тоненьким ручейком поползла вода или жижа – Сима этого не могла увидеть. От тихого ужаса перехватило дыхание.

А кони уже неслись вдоль берега реки, косясь на барахтающегося в глиняной жиже человека. Когда табун умчался дальше, на берегу, освещенный с левого бока закатным солнцем, остановился всадник на черном, как вороново крыло, коне. Ветер, подувший сильнее, развевал его гриву, а сам конь, встав, как вкопанный, охаживал себя по бокам шикарным хвостом.

«Конский хвост», – пронеслось в голове Симы, волосы которой как раз были собраны в такую прическу. Только ее «конский хвост» облепила грязь, а хвост коня колыхался шелком.

Всадник слез, покопошился за седлом, и с толстой веревкой в руке подошел к берегу.

– Лови! – отрывисто крикнул он, и конец веревки, провисев в воздухе, змеей лег рядом с Симой.

Она, откинувшись на один бок, с силой потянула руку. Глина, снова чавкнув, отпустила ее. Ухватившись за веревку, Сима вытащила вторую руку, затем приподнялась и тазом ушла в глину почти по пояс. Но веревка уже тянула пленницу коварной реки к берегу. Спаситель Симы привязал второй конец к седлу и, поддав коню по крупу, задал направление. Покрикивая на коня, он наблюдал, когда невесть откуда взявшаяся здесь девчонка выберется на расстояние вытянутой руки.

Сима, не выпуская веревки, поддалась вперед, но не смогла выдернуть ноги из жижи и плашмя повалилась в нее. Конь

оказался сильнее болота и быстро вытянул Симу к берегу, протащив ее по оставшейся до него глине.

Выбравшись не без помощи всадника на колючую траву, Сима отфыркивалась, как лошадь. Жижа мало того, что стекала с ее лица грязными струями, она попала в нос, залепила глаза. Почувствовав под коленками твердую почву, Сима села, только хотела протереть глаза, как крепкая рука легла на ее руки, а на лицо полилась вода.

– Я сам, у меня только фляжка воды, а твои руки и канистрой не отмоешь.

Голос показался Симе приятным. Всадник, которого она не успела разглядеть – только очертания, – тонкой струйкой лил воду на ее лицо и, осторожно прикасаясь, пытался смыть глину, очищая ее с глаз, носа, губ. Вылив всю воду, спаситель Симы вытер ее лицо платком, и только тогда девушка, разлепив ресницы, смогла открыть глаза.

Прямо перед собой Сима увидела улыбающееся загорелое лицо. В глазах, словно спрятанных за идеально ровными и такими же черными, как и грива коня, бровями, играли смешинки. Озорной вихор, взлетающий под напором не менее озорного ветерка, прикрывал чистый лоб, а прямой нос парня показался Симе шедевром скульптора.

«Надо же, какой красавчик... – подумала Сима и тут же ужаснулась, – мама родная, а я...»

Ее глаза расширились, а парень, наблюдая за изменением выражения лица девушки, расхохотался, да так откровенно

и задиристо, что и Сима, осознав трагикомичность своего положения, тоже захмыкала, в смущении опустив лицо.

– Ты кто? – спросил пареньь.

– Я?

– Нет, вон та лягушка!

Сима обернулась. Любопытная лягушка, усевшись на берегу, поглядывала на людей.

– Ты! Кто же еще?!

– Я... я – Сима, а ты кто?

– Я – Арман.

– Очень приятно...

Арман отвернулся, пряча улыбку.

– Мне тоже приятно, Сима. А туда зачем полезла? А если бы я не заметил тебя, что бы ты делала?

Сима уже собралась с мыслями. Рассказывать что-то не было смысла. Смех смехом, а надо идти, друзья уже беспокоятся, да и вымыться где-то надо... Сима встала. И только тогда поняла, что она в одних носках – кроссовки остались в глине, и не достать.

– Если бы не кони, я бы там не оказалась, – огрызнулась она, с тоской поглядывая на свои ноги, – это твой табун?

– Мой.

– Угу, – Симе нечего было ответить, только от злости на саму себя, на табун, на этого красивого парня, она чуть не расплакалась. – Что теперь делать? Как я пойду? А как мне все это смыть? – она беспомощно развела руки.

Арману стало жалко городскую. А что она городская он не сомневался. Хоть и грязная, а видно – ухоженная, нежная и стройная, как тополек...

– Тапки вытащить надо палку. Потом вытащим, здесь палок нет. А грязь смыть можно там, – он махнул запачканной рукой в сторону холмов, окрасившихся в цвета заката, туда, куда уехал грузовик, – там за камнем есть удобное место, берега близко, река глубже и глины нет, галька.

– А как я пойду босиком, тут везде колючки... – Сима с надеждой взглянула на коня.

– Не-е! Об этом даже не думай! – сказал, как отрезал Арман. – Ты не только седло, ты моего Черногривого измажешь, да меня заодно. – Он демонстративно вытирал глину с рук пучком травы. – Иди пешком, на дороге нет колючек.

Сима хмыкнула и, выбирая, куда поставить ногу, пошла к пыльной колее, благо недалеко.

– Благодетель, блин, коня я ему испачкаю...

Арман уже красовался на скакуне.

– Я поеду, а то мои далеко уйдут.

– Ага, поезжай, – Сима и головы не подняла, – хоть бы поинтересовался, откуда я здесь взялась, посреди степи, спаситель...

– Увидимся еще, – Арман, не обращая внимание на недовольное бормотание девушки, пришпорил Черногривого и, оглядываясь на Симу, уже уверенней бредущую по пыли, помахал на прощание.

Сима посмотрела ему вслед. Остатки глины на щеках почти высохли, и кожу стянуло, как от маски. А ночь наступала на пятки. Сима прибавила шагу и минут через двадцать добрела до лагеря, разбитого через речку напротив большого серого камня, очертаниями напомнившего профиль Армана. Только нижняя часть «лица» гигантской головы казалась прикрытой земляным шарфом по самый нос.

– Батюшки-светы! – воскликнул дядя Боря, когда Сима пришла в лагерь. – Это кто ж к нам пожаловал? Что за чудо-юдо такое?

Дядя Боря рассмеялся, хлопнув себя по коленям. А Сима, ничего не отвечая, прошла мимо него и мимо Жорки со Славкой, обалдело на нее глазевших, к реке, как раз к тому месту, о котором говорил Арман. Забравшись в реку в чем была, Сима начала смывать с себя глину, еле сдерживая слезы.

Она стояла по пояс в воде и, наклонившись, полоскала в ней волосы, когда подошел Хакан Ногербекович.

– Сима, что с вами случилось?

У Симы не было никакого желания отвечать. Мало того, сейчас она готова была послать всех куда подальше, невзирая ни на чины, ни на звания. Ситуацию спас дядя Боря. Он притащил к берегу рюкзак Симы, поставил поближе мыльницу, рядом положил полотенце и, мягко напирая на руководителя экспедиции, увел его.

– Дайте девочке умыться, потом все расскажет, идемте,

идемте! – оглянувшись, подмигнул Симе. – Ты быстрее, вода все ж холодная, долго не стой там.

...Ночи в степи тревожные. И не только потому, что ночные хищники выходят на охоту, ветер кружит азартнее, река становится говорливее. Ночью разговаривают духи. Они вздыхают, выползая из разогретых за день камней, витают над степью, кружат хороводами, и только утренняя заря успокаивает их, принуждая с первыми проблесками света, снова забраться в свои вечные убежища...

Сима спала плохо. Прислушиваясь к ночным звукам за брезентовым пологом, она сжималась от страха. Ей чудился говор в ночи, слышался топот сотен конских ног, лязг доспехов, воинственные крики. Сима слышала чей-то шепот внутри себя, тревожное бормотание, в котором слов не разобрать, а только интонацию, порой зловещую, порой таинственную.

Утро прокралось в кузов солнечными лучами из приоткрытого полога на переднем окне. Снаружи уже слышалось покашливание дяди Бори, шум газовой горелки, на которой закипал чайник, негромкая беседа. Сима расстегнула спальник, зевнула и, потянувшись, вылезла. Все мужчины спали под открытым небом. В другой раз Сима тоже улеглась бы на просторе и пялилась на звезды пока не сомкнулись веки, но в прошлый вечер, озябнув в мокрых джинсах, она боялась

заболеть, и потому решила укрыться от прохладного ночного воздуха, да и от пугающих шумов ночи, за брезентовым тентом.

Несмотря на тревожную ночь, Сима чувствовала себя превосходно. Лагерь оживал и голоса ребят, плескавшихся в реке, раззадорили Симу. Напялив шорты и майку, нацепив на ноги шлепки, она с полотенцем и косметичкой вылезла из кузова и... встала как вкопанная: за походным столом прямо перед ней сидели Хакан Ногербекович и вчерашний спаситель – Арман. В выгоревшей желтой майке и штанах защитного цвета, Арман ничем не отличался от Жорки и Славки, разве что взглядом. Солнце светило ему в глаза, когда он посмотрел на Симу, но от его взгляда мурашки побежали по коже.

– Доброе утро! – все еще смущаясь, Сима мухой пролетела мимо, но Хакан Ногербекович крикнул ей вслед:

– Сима, поторопитесь, через полчаса выходим на объект.

– Это куда?

– К тому камню. Вот Арман нам кое-что покажет.

Сима перевела взгляд на «каменную голову» за рекой и, кивнув начальнику, пошла умываться.

– «Выходим»! В поход идем! Тут всего-то речку перейти...

Жорка со Славкой, проходя мимо, подмигнули.

– Давай, давай, чудо-юдо, наш босс в поход собрался!

Сима хлопнула Жорку полотенцем, и побежала к воде,

чувствуя, как взгляд Армана буравит спину.

Камень, который все вслед за Симой стали называть «каменной головой», на ощупь оказался теплым. Сима прислонилась к его шершавой поверхности ладони и закрыла глаза. Голос Армана, рассказывавшего историю камня, который по преданию в давние времена служил местом исполнения культа шаманов, отдалялся, звучал все тише и тише. Сима перестала различать слова, она слышала только звуки – глухие, проходившие к ней словно через слой ваты. Симе казалось, что камень дышит. Вокруг него образовалась пустота, какая бывает в оттепель между камнями и снежным покровом. И из этой пустоты веяло теплом. Но то тепло пугало, настораживало, как появление «подвального» призрака в сумерках, которое казалось далеким и забытым. Снова всплыли в памяти его бестелесные очертания – то расплывающиеся, то принимающие облик монаха в просторном одеянии. В голове отчетливо зазвучали незнакомые слова. Сима не могла понять, то ли это слова призрака, то ли красивого казаха, голос которого очаровывал и волновал.

– Сима... – бархатный голос прорвался сквозь ватный барьер и нарушил очарование, в которое она погрузилась. – Что с тобой? Ты побледнела.

Сима опустила руки и покачнулась. Арман бережно придержал ее за талию. Сима решительно убрала его руку.

– Не надо, я в порядке. Просто солнце голову напекло.

Надо было шляпу надеть.

– Идем, я покажу тебе, что мы откопали, – Арман сделал вид, что не заметил резкости девушки, взял ее за руку и повел к «носу» каменной головы.

Спящий воин смотрел на восток, и перед ним Сима увидела широкую яму глубиной метра полтора. Хакан Ногербекович уже спустился вниз и, расчищая поверхность камня от сухой земли, внимательно рассматривал ее.

– Да, все эти черточки и кружочки рукотворны. Похоже на надпись или ряд символов, возможно, охранных или имеющих отношение к исполняемому ритуалу жертвоприношения. А глубже копать пробовали? – начальник поискал взглядом Армана.

– Пробовали, там камень, вы разгребите землю, сами увидите.

– Да, совершенно точно – камень! – подтвердил Хакан Ногербекович, отрясая землю с рук. – А знаки уходят дальше. Видимо, они выбиты по кругу, по всей поверхности камня. Но здесь много работы, мы и за месяц не управимся. Знаете что, давайте пока зафиксируем то, что есть, а вечером подумаем, как быть дальше, – он протянул руку. – Помогите мне выбраться, ступени оплыли, рыли, видимо еще в прошлом году?

Арман кивнул.

– А с чего вдруг решили копать?

– Старики сказали, надо откопать, – Арман был немногословен.

словен.

– А-а! – Хакан Ногербекович понимающе поджал губы.

Работа вокруг камня закипела. Дядя Боря притащил лестницу – попросту доску с набитыми на нее поперечными дощечками, Вадим Петрович взялся за фотоаппарат, Жора и Слава – за щеточки, а Сима пошла к машине за бумагой и карандашами, чтобы зарисовать символы. Арман попрощался со всеми до вечера и пошел вместе с ней.

Его Черногривый пасся рядом с лагерем археологов.

– Красивый конь, – Сима с восхищением смотрела на коня, – можно погладить?

– Можно.

Арман подвел вороного к девушке. Длинная челка легла на глаза Черногривого, чуткие ноздри коня трепетали, втягивая воздух. Сима протянула руку, но Черногривый фыркнул, испугав ее.

– Тихо, тихо, – Арман обхватил морду коня руками, – от тебя пахнет духами, ему не понравилось, извини.

– Я не душилась... но не понравилось и ладно, мне работать пора, – Сима снова почувствовала раздражение.

– Сима, подожди, я вечером приведу другого коня, спокойного, можем вместе прогуляться.

Сердечко Симы зачастило. После вчерашней встречи она только и думала, что об этом парне. Это ее злило. А сейчас вот как-то радостно стало...

– Ладно, тогда до вечера, – смущаясь, ответила она.

Лицо Армана засветилось. От его улыбки горячая волна обожгла лицо, Сима затаила дыхание, чтобы не выдать волнение. А Арман достал из расшитого цветными нитями мешка, что лежал поперек коня, Симины кроссовки.

– Вот, поставь на солнце, еще мокрые.

– Ой, спасибо! Как ты достал?

– Палкой, – Арман вскочил на коня. – До свидания, Сима!

– До свидания...

Дядя Боря, наблюдая за ними с другого берега, толкнул в бок Жору.

– Смотри, этот казах нашу Симу обхаживает. Уведет девушку, останешься с носом.

Жора посмотрел в след удаляющемуся всаднику и отмахнулся.

– Не уведет – абориген.

– Абориген, говоришь, ну, ну, а взгляд его видел? Симку от него разве что в жар не бросает!

Жора пожал плечами, но побежал к берегу на помощь девушке, которая переходила реку вброд, одной рукой прижимая к груди папку с бумагой, в другой держа шлепки.

Дядя Боря не ошибся. Каждый вечер Сима уезжала с Арманом, все увереннее сидя на коне, и возвращалась, искрясь от счастья. Они вместе провожали солнце, любуясь закатами, вместе, бок о бок, скакали по степи, настораживая ее обитателей звонкими голосами и смехом. Днем Арман уходил

в степь с табуном, а Сима работала у камня.

Археологам помогали два парня из местных, они прорыли вокруг всего камня ров, углубившись в землю настолько, чтобы можно было рассмотреть символы. Хакан Ногербекович все же предположил, что это именно символы, а не буквы, и каждый знак может служить «печатью», не позволяющей какому-то духу покинуть свое убежище. Сима слушала опытного археолога, стараясь не только запомнить, но и записать в свой дневник его рассказы.

– Смотрите, Симочка, вот эти треугольники, скорее всего, обозначают четыре стихии. Вот огонь, вода, земля, а это – воздух. Причем, обратите внимание, что вода и земля имеют «женское» отображение – треугольники острой вершиной направлены вниз, а огонь и воздух – «мужское», вершина смотрит вверх. Вот знак созидания и порождающего начала. Видите? Два треугольника наложены друг на друга.

– На звезду похоже.

– А звезды здесь тоже есть! – Хакан Ногербекович перешел подальше и, как ребенок, рассматривающий букашку на цветке, улегся на землю, показывая Симе на едва обозначенные звезды на поверхности камня.

– А что, у здешних кочевников тоже есть духи звезд?

Хакан Ногербекович сел. Сима пристроилась рядом с ним.

– Понимаете, Сима, древние кочевники считали, что духи есть во всем – в камне, в земле, а небо, и все, что с ним свя-

зано, вообще обожествляли. Вы слышали о Тенгри, о духах земли, воды? Так вот, звезда была символом бога подземного мира Эрлига. Да и люди, кочевники, считали, что на небе у каждого есть своя звезда. Пока она светит, человек жив, а когда упала, то... сами понимаете. Потому на падающие звезды смотрели с грустью, не так как мы сейчас.

– У древних тибетцев были злые духи звезд. Даже не духи, а демоны. Считалось, что они причиняют болезни.

– Увлекаетесь древней религией «бон»? – глаза археолога сощурились в улыбке, и морщинки веером побежали к вискам.

– Не то, чтобы увлекаюсь, но интересно. Я заметила, что между представлениями о мире у наших кочевников и у тибетцев много общего.

– Что ж вы хотите?! Тибетцы – тоже кочевники! Разница лишь в том, что природа у них более суровая, потому и представление о мире своеобразное, более яркое, да и пасут они не коней, а яков!

– Хакан Ногербекович, можно вас спросить? – Сима решила воспользоваться темой беседы и задать волнующий ее вопрос. – Вы верите в духов?

Археолог, к удивлению Симы, ожидающей, по крайней мере, улыбки, посерьезнел.

– Думаю, неспроста вы это спрашиваете. Потому отвечу так: в нашей работе мы частенько тревожим прах давно умерших: и воинов, и шаманов, и царей, и убийц. Ведь,

по сути, копаемся в могилах. Вы знаете, что, когда вскрыли могилу Тимура, началась война? А старики предупреждали: не тревожьте прах Великого Воина! Вот и подумайте, верить в духов или нет! Да, что там, порой я и сам ночами слышу топот конницы...

– Правда?! И я...

Хакан Ногербекович похлопал Симу по руке.

– Это значит, что вы настоящий археолог! Скажу вам по секрету, Сима, все стоящие археологи и слышат, и видят... Так что не пугайтесь! Кстати, открою вам еще один секрет: бабушка вашего друга – шаманка. И, думается мне, внук перенимает ее мастерство. Так что будьте осторожны, не теряйте головы. Простите, что вмешиваюсь, но... но, вы девушка взрослая, самостоятельная, извините...

– Не за что извинять, Хакан Ногербекович, спасибо вам за заботу, вы правы – голову терять никогда не надо.

«Как легко об этом говорить, и как трудно сохранять стойкость духа по жизни, – подумала Сима. Не терять голову... мда, если бы люди умели контролировать чувства, скольких бед можно было бы избежать!»

– А вот этот знак затерт. То ли кто-то специально его сбил, то ли время постаралось... мда, ведь этим петроглифам порядка трех тысяч лет...

– Какой символ? – Сима наклонилась ниже, чтобы лучше рассмотреть углубления на гранитной поверхности камня. Наиболее четко вырисовывались две наклонные линии,

выбитые параллельно друг другу, крест ниже этих линий, а остальное больше походило на кляксу. – Да, Хакан Ногербекович, я уже пыталась собрать в символ эти палочки и крестик, но пока ни с каким известным нам знаком связать не могу, разве что крест. Он может отображать слияние всех стихий... А верхняя часть рисунка могла быть ромбом или двумя равносторонними треугольниками, соприкасающимися основаниями.

– Вряд ли. Один треугольник означает огонь, судя по направленности его вершин, второй – воду. Да и есть эти изображения отдельно, мы с вами только что их разбирали. А огонь и вода – не сочетаемые стихии в природе. Древние относились к символике очень серьезно. В эти значки вложен огромный смысл. Представляете, на священном камне, в месте, где разговаривают с духами, и нарисовать какую-нибудь белиберду, вроде современных надписей на заборах типа «Здесь был Вася»? Нет, такого никто не посмел бы сделать. Значит, надо искать в этих знаках, скорее всего, сакральный смысл, и собирать изображения, дополняя отсутствующие части до такого, которое будет нести особое значение и не противоречить гармонии, здравому смыслу. Что ж, нам есть, над чем работать, Симона! – Он промокнул взмокший лоб платком. – А не пора ли нам пообедать?

Сима так увлеклась, так погрузилась в мир загадочных знаков, что совершенно забыла о себе и только сейчас почувствовала, что голодна.

– Пора! Идемте, дядя Боря сегодня обещался национальное казахское блюдо нам приготовить – бешбармак!

– А! Он мастер, вы не смотрите, что русский, он хорошо знает местные обычаи и кухню. Мы с ним уже столько лет колесим по степи вместе.

Сима вылезла из ямы, потянулась, с удовольствием почувствовав свое тело, задержала взгляд на небе. Оно сияло первозданной чистотой. Недалеко кругами летала стая воронов.

– Смотрите, Хакан Ногербекович, вроде вороны...

Археолог стряхнул землю с колен, поднял свои инструменты и посмотрел на небо.

– Вороны. Пададь нашли, вот и кружат.

«Не к добру это, – подумала Сима, – тревожно как-то», – но отвлеклась на друзей, уже собравшихся за столом, на который дядя Боря поставил блюдо с дымящимися кусочками мяса, обложенными вареными квадратиками теста.

Глава 4. Завещание матери

Аязгул возвращался в яйлак после удачной охоты: крупная козочка, крепко привязанная к седлу, лежала на крупе коня.

Над головой раздалось карканье.

«Не к добру! – подумал Аязгул, провожая взглядом стаю воронов. – Что-то случилось в степи...»

Он пришпорил коня и, обогнув холм, выскочил к Желтой реке. Спящий Батыр на другом берегу встретил его безразличным взглядом. Аязгул спрыгнул с коня и, повел, взяв в поводу. Но Белолобый встал на дыбы, отфыркиваясь, и кося бешеным глазом. Охотник усмирил коня и пригляделся. Трава вытоптана, бурое пятно, похожее на кровь... Так и есть! И там, и здесь... Барана резали? А почему не у Батыр-камня? И не одного... Битва? Но кто? Кто с кем сражался и что случилось?..

Не находя ответов, Аязгул с тревожными мыслями поспешил в родное стойбище. Издали он услышал плач женщин. Зорким глазом приметил воинов, охранявших яйлак. Увидев всадника, те подняли луки, но узнав охотника, опустили их.

– Что случилось? – Аязгул спешился.

– Бурангул убил наших людей. И Таргитая.

– Как убил? За что? Ведь только вчера они породнились...

А Тансылу? – холодок прокрался к самому сердцу.

– Она убила мужа. Бурангул отомстил за сына, – воин был краток.

Аязгул передал поводья Белолобого мальчишке, выбежавшему навстречу и, отвечая поклоном головы на скорбные взгляды соплеменников, пошел к центральной части стойбища, где рядком лежали на кошме восемь убитых и среди них Таргитай.

Женщины оплакивали своих мужей, сыновей, братьев, сидя рядом с ними. Аязгул сразу заметил Дойлу у изголовья Таргитая. Ее косы не были уложены на голове как всегда, а рассыпались по плечам. Дойла оделась как все кочевницы, которых объединила скорбь: высокий головной убор, тяжелые бронзовые нагрудники с бирюзой и сердоликами поверх просторного шерстяного платья. Время от времени Дойла отгоняла мух от лица мужа, а потом снова застывала над ним, как каменная, вглядываясь в каждую морщинку на его лице, словно стараясь запомнить.

Таргитая нарядили в самые лучшие доспехи: новую кольчугу, еще не испытывшую на себе ни удара топора, ни острия стрелы; любимый шлем вождя, который сиял золотом в лучах склонившегося к закату солнца; штаны из светлой кожи, заправленные в сапоги. А рука его крепко сжимала на груди обнаженный меч. Погибшие воины – и те, которых привезли люди Бурангула, и те, которые пали в битве у Батыр-камня, – как и при жизни, находились с двух сторон от своего вождя,

готовые кинуться на врага в решительный момент со своим оружием: кто с мечом, кто с луком, кто с боевым топором.

Поклонившись павшим, Аязгул отошел к своему шалашу, где сидела мать.

– Сынок, родной, такая у нас беда... – еще не старая женщина с удивительными голубыми глазами, которые сын унаследовал от нее, вытерла слезы.

Аязгул сел рядом с ней. Взял в руки чашу с кумысом, поднесенную ему сестрой. Выпил. Помолчал. Потом спросил:

– А что Тансылу? Говорят, она убила Ульмаса...

– Говорят. Кудайберды слышал, как Бурангул сказал, что она его сына зарезала.

– Зарезала?.. – Аязгул не мог понять, как такое случилось, а потому не поверил. – Не может быть. Она – слабая девчонка. Ульмас – сильный воин. И зачем ей было резать своего мужа?..

– Не знаю, сын. Так люди говорят. Молва по всей степи разошлась. Шаман готовится слушать духов.

В ритуальном балахоне, обвешанный амулетами, с разукрашенным черными полосами лицом, шаман, сидя особняком, покачивался из стороны в сторону, постукивая в бубен. Изредка отрываясь от своего занятия, он прихлебывал напиток, который освобождал разум от восприятия реального мира, открывая путь к духам, волю которых он потом перескажет людям.

– Говорят, нарушен закон. Виновных надо покарать.

– Покарали уже... – брови охотника сомкнулись, глаза сузились. – А Дойла? – Аязгул взглянул на жену вождя.

– Дойла готовится уйти с мужем. Как велит древний закон.

Аязгул вскочил на ноги.

– Как уйти? Те законы уже давно никто не исполняет! А как же Тансылу? Как она оставит Тансылу?

Многие услышали охотника. Все знали, как он привязан к дочери вождя. Все помнили Тансылу веселой, красивой девочкой, любимой отцом и матерью, да и всеми, кто жил с ними рядом одной семьей.

– Успокойся сын. Ее право принять такое решение. А о Тансылу никто ничего не знает. Бурангул сказал, что убьет ее. Найдет и убьет.

«Значит, она сбежала, – обрадовался Аязгул. – Жива. Сюда не вернулась. Умница. Здесь ее бы забрали вожди с юга и отдали на расправу Бурангулу. Где она? Где?.. Надо искать! В горах! Там легче укрыться», – Аязгул сжал кулаки, вытянулся струной, словно уже скакал на своем Белолобом, выглядывая в степи Тансылу.

Тем временем Дойла оставила тело мужа и пошла в свою юрту. Несмотря на горе, она все еще следила за стойбищем, как хозяйка. И приезд охотника не остался незамеченным ею. К Аязгулу подошла девочка, дернула его за край рубахи.

– Чего тебе?

Девочка поманила охотника пальчиком, он наклонился

к ее лицу.

– Тебя зовет госпожа, – шепнула она и убежала.

Аязгул оглянулся. Дойлы не было видно, а девочка остановилась у открытого входа в юрту, маня пальчиком. Аязгул понял и, пройдясь по яйлаку, не привлекая к себе особого внимания, обошел юрту, приподнял ее полог и скользнул внутрь.

Свет сочился в юрту сверху. Красные, желтые ленты, сплетенные из шерсти, свисали с потолка, соединенные меж собой одной длинной лентой так, что все вместе напоминало яркий шар с длинными кистями, похожими на конские хвосты. Войлочные стены юрты вождя тоже были украшены и лентами, и оружием, и талисманами. Дальний от входа край, где раньше спала Тансылу, был обособлен от остальной части, отделен от ложа ее родителей тонким слоем кошмы без подушек и одеял. Чуть в стороне от центра юрты, Аязгул увидел Дойлу и двух женщин, готовивших ее к переходу в другой мир. В дополнение к шейным украшениям, они надевали на руки жены вождя браслеты, кольца.

Отослав их, Дойла подозвала Аязгула. Он склонился перед ней, встав на колени.

– Аязгул, ты в нашем племени такой же чужой, как и я, – охотник хотел было возразить, но Дойла остановила его. – Да, я знаю, что мы все стали одной семьей, но я о другом. Обычаи степи тебе так же чужды, как и мне, как и я, ты следовал им, согласно закону, но не порыву души. Потому ты

поймешь меня. Надо сделать все так, чтобы смыть с моей дочери вину. Я уйду, взяв на себя ее грех, и заставлю всех поклясться перед духами мертвых, что моя жизнь будет принята, как жертва, вместо жизни моей дочери. Ты же, не дожидаясь погребения, скачи прямо сейчас. Вот, возьми, – Дойла подтащила к себе два тяжелых кожаных мешка, связанных между собой, чтобы их можно было перекинуть через спину коня, – здесь еда, одежда, все необходимое для Тансылу и для тебя. Найди мою дочь, Аязгул! Скачите к нашим дальним стойбищам. Мою волю передадут, все узнают, что я благословила вас, и что, ты, став мужем Тансылу, будешь с ней вместе беспокоиться о наших людях, оберегать их, заботиться. Без твоей поддержки ее могут не принять, мала она еще, а тебя уважают, тебе доверятся. Спаси мою дочь, Аязгул, – в последних словах Дойлы прозвучала мольба. В тех словах выразилась вся боль матери и ее надежда.

– Я найду Тансылу, госпожа. Пока я жив, волос не упадет с ее головы. Обещаю тебе!

Дойла прижала голову Аязгула к своей груди. Потом порывисто отодвинула, заглянув в его глаза.

– Да будет так! Скачи!

Аязгул встал.

– Нет, постой! – Дойла сняла с себя нитку крупных коралловых бус, которые она всегда носила, не снимая. – Вот, это защита от злых духов. Это сделано в моей стране. Там, где синее небо отдыхает в объятиях белых гор, там, где текут

священные реки, а птицы уносят души умерших в царство вечности... Отдай Тансылу. Они защитят ее от демонов. – Дойла положила бусы в руку Аязгула, сжала ее своими руками, словно вместе с бусами, отдавала тепло своего сердца, которое вот-вот остынет в ее груди. – Теперь ступай, и хранит тебя Всеблагодь!

Аязгул в последний раз взглянул в лицо госпожи, приложился губами к ее руке и, скользнув змеей, покинул юрту, так же тихо, как и вошел.

Он скакал во весь опор, подгоняя Белолобого, когда была выкопана погребальная яма, когда в нее уложили отдельно Таргитая, оставив рядом с ним место для жены, и отдельно семерых воинов, когда Дойла осушила чашу с напитком вечного сна и обратилась ко всем с последними словами. Никто не посмел возразить уходящей в вечность по своей воле, отдающей свою жизнь взамен за жизнь дочери. Смерть жены вождя приняли, как жертву, старейшины согласились признать ее дочь, как ее саму. Если кто и не согласился, то промолчал. Шаман, погрузившись в мир духов, услышал одобрение воли уходящей. И, когда реальный мир поплыл в ее глазах, когда она, закрыв их, переступила грань между видимым и невидимым, шаман закружился в ритуальном танце, и Дойла, воссоединившись с Таргитаем, вошла в царство Тенгри...

Аязгул скакал всю ночь, изредка останавливаясь, чтобы

напоить коня и определить путь к тому месту в предгорьях Черных гор, где, как он думал, могла укрыться Тансылу. Белолобый был так стремителен, что еще до рассвета они вышли на тропу, ведущую к заветной пещере, которую Аязгул как-то показал Тансылу, когда они вместе охотились.

Тропа пошла вверх над скалистым берегом ручья, шумно бегущего с горы. Чем выше поднимался охотник, тем круче становились берега. Солнце не торопилось осветить этот дикий край, но тьма понемногу расплзалась, прячась за валунами, разбросанными по холму то здесь, то там. Звук ручья исчез, его берега превратились в глубокий каньон.

Камешек, выскочив из-под копыт Белолобого, улетел вниз, разорвав тишину тревожным стуком.

Поднявшись выше середины холма, Аязгул свернул на едва приметную тропку. Она уходила в каньон и была настолько узка, что не всякий всадник решится провести по ней коня. Белолобый фыркнул, опасливо поглядывая в каньон, но охотник, взяв его в поводу, смело пошел вперед, и преданному коню ничего не оставалось, как последовать за ним.

Вскоре тропа стала шире: стена каньона начала выполаживаться книзу, но пришлось пробираться сквозь заросли тонкоствольных деревьев вишни и разросшихся кустов шиповника. Аязгул заметил сломанные веточки, свежие отпечатки лошадиных копыт.

«Тансылу! Это она! Черногривый запомнил дорогу, это его след!» – обрадовался Аязгул.

Пробравшись через колючие заросли, он вышел на небольшую поляну, над которой виднелся черный проем в скалах. Солнце уже осветило вершины гор, птицы с шумом оставили свои гнезда, воспарив к светилу, но в каньоне по-прежнему властвовала тьма. Еле-еле через ее густое покрывало пробивался дневной свет. Аязгул пошел к гроту, и тут ржание коня многократно отозвалось эхом – это Черногривый учуял единокровного брата и приветствовал его. Белолобый ответил, а охотник, разглядев верного спутника Тансылу, заметил чуть поодаль от него качнувшийся пучок конских волос, украшавших шапочку девушки. Она притаилась между камнями в стороне от грота, прячась за разросшимися кустиками пахучих желтых цветов.

– Тансылу, это я – Аязгул! – опасаясь стрелы, охотник остановился.

Эхо, играя со словами, прокатилось по всему каньону: «Лу-лу-лу, гул-гул-гул...». Где-то скатился камешек, где-то вспорхнула птица. Тансылу встала из-за укрытия. В ее руках не было ни лука, ни стрел. Она смотрела вниз, и парню показалось, что он слышит шепот: «Аязгул...».

– Я с тобой, девочка, не бойся, – он быстро и ловко, взобрался к гроту, прошел по узкой тропке до желтых цветов и обнял Тансылу.

Она прильнула к нему, уткнулась в грудь лицом, обхватила руками. Ее плечики вздрагивали под ладонями Аязгула, но в тишине каньона слышалось только прерывистое дыха-

ние девушки, похожее на плач без слез. Шапочка упала с ее головы, растрепанная коса скатилась по спине. Аязгул погладил Тансылу по волосам, по плечам. В его груди смешались все чувства: и радость, и жалость, и страх.

Тансылу первая нарушила молчание.

– Я зарезала Ульмаса.

– Я знаю.

– Знаешь? Откуда? – Тансылу испугалась, отпрянула.

Аязгул снова привлек ее к себе.

– Не бойся. Никто тебя не обидит.

– Отпусти, – Тансылу вырвалась, – ты... ты... почему ты ушел? Почему ты оставил меня? Он, он... этот вонючий козел, он...

Аязгул не знал, что ответить. Он молчал, но в его глазах светилось сочувствие. Тансылу заметила это, ее голос стал мягче.

– Что? Что ты молчишь? Ты знал, что так будет? Ты говорил мне о кинжале...

– Нет, ты не так поняла мои слова, Тансылу. Я... я не знал... Ульмас был груб с тобой, но... но, Тансылу, так бывает со всеми женщинами...

– Ха! Со всеми?! – в голосе Тансылу зазвучали угрожающие нотки. Со мной больше ТАК никогда не случится. Слышишь? Никогда и никто больше не прикаснется ко мне!

– Тансылу...

Она стояла, сжав кулаки, да и сама вся сжавшись, готовая

прыгнуть на любого, кто посягнет на ее честь.

Белолобый напомнил о себе ржанием. Аязгул и Тансылу оглянулись. Конь стоял перед гротом и бил копытом землю.

– Идем, там еда, одежда, мать передала тебе, идем, Тансылу, – Аязгул взял вдруг обмякшую девушку за руку и увлек за собой.

Устроившись в пещере, где охотник застелил широкий камень охапками травы и сложил очаг из крупных камней, Тансылу и Аязгул провели там весь день и всю ночь. Беспокойство и страх беглянки улетели, как дымок костра, когда она снова почувствовала надежное плечо верного друга. Тансылу не заметила, как уснула, а Аязгул принялся варить суп из сушеного мяса, оказавшегося в припасах, заботливо приготовленных Дойлой.

Аязгул еще не сказал Тансылу о смерти ее родителей. Девушка и раньше отличалась быстрой сменой настроения, порой, странными поступками, которые Аязгул старался не замечать. Но сейчас, после всего пережитого, он боялся, что известие о гибели Таргитая и Дойлы сломят их дочь, и она не сможет противостоять еще не законченным испытаниям, которые продолжатся там, в долине, куда им уже надо отправляться, и поскорее. Аязгул помнил наказ мудрой Дойлы идти к дальним пастбищам, туда, где половина воинов племени охраняет стада, и эти воины встанут на защиту Тансылу, приняв последнюю волю ушедшей по своей воле жены

вождя, как приказ. Да и друзей Аязгула там немало. Но надо торопиться. Старейшины племени и особенно брат Таргитая – Ишбулат, который, скорее всего, захочет стать вождем по праву единокровного родства, вряд ли примут еще совсем молоденькую девочку предводителем. Да и Аязгул, даже став ее мужем, останется чужаком. Хотя... Именно этот факт им на руку, ведь браки в кочевье старались совершать, объединяя мужчин и женщин из разных племен...

Аппетитный аромат мясной похлебки пощекотал ноздри. Тансылу проснулась и, опершись на руку, наблюдала за другом, задумавшимся у костра.

– Аязгул.

Он повернулся на голос. Улыбнулся. Подбросил дров в костер; сняв чашу с очага, подошел к Тансылу. Она села. Язычки огня отражались в ее глазах, в них не было и тени страха. Казалось, что ничего не произошло, что они, как и раньше, просто охотились и, застигнутые ночью, остались в пещере до утра.

– Тансылу, нам надо принять решение, – Аязгул смотрел в сияющие глаза и боялся, что его слова поднимут в душе девушки бурю, – нам надо ехать к дальним пастбищам и надо торопиться, чтобы успеть раньше Ишбулата.

– А что Ишбулат?

Аязгул опустил глаза.

– Давай покушаем, похлебка готова.

Он достал из хурджуна глубокие миски, горсть сушеных

творожных шариков; прихватив чашу с похлебкой краями рукавов халата, налил горячий суп в миски. Распаренные куски мяса, дымясь, остались на дне.

– Ешь, Тансылу, суп восстанавливает силы, ешь, – он подхватил длинный кусок мяса и протянул девушке.

– Так что Ишбулат? – прихлебывая из миски, Тансылу разглядывала друга, – что-то ты не договариваешь. – Она прожевала мясо, закусила кислым курт¹³. – Ты боишься, что я буду плакать? Не бойся. Говори. Что было после того, как я уехала? Как ты узнал об Ульмаса? Бурангул к отцу приезжал? Что сказал?

Аязгул отставил свою миску, промокнул губы рукавом халата.

– Бурангул убил всех воинов, которые сопровождали тебя к мужу, его люди убили Таргитая, и с ним еще троих воинов, когда они сражались у Батыр-камня. Дойла ушла с Таргитаем, взяв на себя твой грех. Смерть Ульмаса отомщена – из жизни ушли девять человек нашего племени, двое из твоей семьи. Ты знаешь, Тансылу, законы кочевья, – он взглянул в лицо девушки. На нем застыла маска гнева. Даже Аязгул не мог наверняка сказать, о чем она сейчас думает, что скажет или сделает в следующий момент, но он продолжил:

– Бурангул не успокоится. Он ищет тебя, чтобы убить. Наше племя защитит тебя, как просила Дойла. Но надолго ли? Если Ишбулат станет вождем, он сделает все, чтобы

¹³ Курт – сделанные из створоженного кислого молока сухие шарики

умясть это дело и жить в мире с Бурангулом. Потому нам надо опередить его и убедить наших воинов, что ты наследуешь власть, как единственная дочь Таргитая, и по последней воле твоей матери. Понимаешь, Тансылу?

Она кивнула. Аязгул ожидал, что, узнав о смерти родителей, девушка расплачется, но из ее глаз, превратившихся в щелочки, не упало ни слезинки.

– Тансылу, – Аязгул взял ее руку. Она разжала кулак и чуть дрожащие пальчики легли на широкую ладонь, – ради твоей безопасности и по воле твоей матери, мы должны объявить, что стали мужем и женой.

Тансылу отдернула руку, словно обожглась, в глазах за сверкали искры.

– Нет, слышишь, нет! Мне не нужен муж!

Она встала, дерзко глядя в глаза тоже поднявшемуся охотнику. Но он резко взял ее за плечи и медленно, но твердо сказал:

– Обещаю тебе, что никогда не прикоснусь к тебе, как мужчина. И каждому, кто только подумает об этом, перережу глотку. Но для того, чтобы ты могла встать во главе племени, мы должны стать мужем и женой. Одна ты – всего лишь женщина, а я – никто. Вдвоем мы – сила. Тем более, что твоя мать благословила нас перед уходом. Вот, – он достал бусы, – вот, это тебе передала мать. Она сказала, что они будут хранить тебя от демонов. Это сделано в ее стране...

– Я знаю, – перебила Тансылу.

Гнев ее растворился в новом выражении, в котором смешались и скорбь, и детский страх, и жалость. Тансылу взяла бусы, прижала ладони с ними к лицу, вдохнула запах матери, который еще витал между бусинами, собранными на тонкий кожаный ремешок.

Аязгул обнял девушку. Он понимал ее без слов, и восхищался ее стойкостью. В свои пятнадцать лет, Тансылу уже познала кровь и горе, унижение и страх, но это не сломило ее, и воинственный дух, живший в ее сердечке, зажигал глаза гневным огнем.

– Я согласна стать твоей женой, но помни свое обещание, Аязгул!

Они смотрели друг другу в глаза, и это была молчаливая клятва.

– Седлай коней, муж, мы выходим.

Утро всадники встретили верхом. Солнечный свет торопливо бежал за ними вслед, спускаясь по пологому боку холма в долину. Когда солнце ослепительно засияло в белесом небе, Тансылу и Аязгул уже мчались во весь опор по степи, обгоняя время и ветер.

Глава 5. Любовь и заклинание

Серебристые нити ковыля стелились по земле, до самого горизонта степь колыхалась волнами, теплый воздух трепетал над пахучим травяным морем, и два всадника летели в нем, как миражи...

– Арман!

Игривый ветер подхватил звонкие нотки и понес их вперед, как добычу, но рассыпал по пути и, не успев огорчиться, снова вернулся к девушке, влетел в распущенные волосы, растрепал, шутя подкидывая русые пряди. Не уgomонившись, перебрался в гриву лошади, но та, почувствовав натянувшийся повод, остановилась, и ветер, потеряв интерес и к лошади, и к всаднице, улетел в степь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.